

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1874.

В.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Францъ Палацкій I. I. Первольфа.

Юридическіе знаки (Окончаніе) П. Ефименко.

О философскихъ трудахъ Н. Д. Юркевича. В. С. Соловьева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе *Геннадія Карпова*. М. 1870. К. П. Вестужева-Рюмина.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое послѣдованіе *В. Кожевникова*. Козловъ. 1874. Н. И.

Мусульманскія училища Туркестанскаго края И. Т.

Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвиць Д-ра Э. Клеузая.

О введеніи обязательнаго обученія по хатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній.

Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная А. Будиловича.

Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназій, в) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Д. Д.—ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ФРАНЦЪ ПАЛАЦКІЙ,

ИСТОРИОГРАФЪ ЧЕШСКАГО НАРОДА. ЕГО УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ¹⁾).

Чешскій народъ, хотя малочисленный, занимаетъ между народами славянскими одно изъ первыхъ мѣстъ. Чехи, часть Славянъ лабскихъ, не раздѣлили ихъ участи. Между тѣмъ какъ сѣверные сосѣди и ближайшіе соплеменники Чеховъ — Сербы, Лютичи и Водричи, — послѣ долголѣтняго сопротивленія, погибли въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами, Чехи не пошли по ихъ слѣдамъ, а сохранили свою политическую независимость и свой національный бытъ. Славяне лабскіе и балтійскіе тратившіе всѣ свои силы на внутреннія распри и войны, не выработали *государственной идеи*, и сдѣлались добычей своихъ сосѣдей. Чехи, напротивъ, создали рано довольно сильное государство. Князь чешскій, располагая безусловно силами Чехіи и Моравіи, былъ однимъ изъ первостепенныхъ государей средней Европы; личная его зависимость до извѣстной степени отъ Римско-нѣмецкихъ императоровъ, нисколько не мѣшала его суверенитету. На основаніи политической самостоятельности Чешскаго государства, Славянская народность въ Чехіи могла успѣшно развиваться и преодолевать встрѣчавшіяся препятствія. Наконецъ, чешскій народъ — первый между народами всей Европы — началъ существовать до сихъ поръ движеніе: вмѣстѣ съ идеей чешской и славянской народности, Чехи подняли

¹⁾ Собственно *біографіи* Палацкаго мы здѣсь не предлагаемъ. Лучшая его біографія находится въ чешской энциклопедіи, въ Словникѣ Научномъ; ее написала (въ 1865 г.) на основаніи данныхъ, доставленныхъ самимъ Палацкимъ, второй редакторъ Словника Я. Малый; она переведена, тотчасъ послѣ появленія на чешскомъ языкѣ, и по русски, въ *Современной Лѣтописи*, прибавленія къ *Москов. Вѣдомостямъ*. Замѣтимъ, что имя «Палацкій» выговаривается съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

знамя свободы совѣсти и стремились также къ нововведеніямъ въ соціальныхъ порядкахъ своего времени. Это-то движеніе, *движеніе гуситское*, придастъ чешской исторіи особенную важность въ культурной исторіи не только славянской, но и общечеловѣческой.

Дальнѣйшему развитію чешскаго народа помѣшала страшный погромъ, постигшій Чеховъ въ 1620 году. Испанско-габсбургскій абсолютизмъ, въ соединеніи съ іезуитско-католическимъ Римомъ, успѣлъ наконецъ подавить столь ненавистный Нѣмцамъ и Риму, славянской, еретическій народъ.

Несчастливая страна сдѣлалась театромъ безпрестанныхъ войнъ, разорялась войсками нѣмецкими, шведскими и императорскими. Народонаселеніе массами исчезало, либо посредствомъ выселенія, либо по бѣдствіямъ войны. Оставшееся же было подвержено контр-реформаціи: изъ бывшихъ гуситовъ-протестантовъ, іезуиты, съ помощію императорскихъ драгоновъ, дѣлали римскихъ католиковъ. Рядомъ съ этой католическою реформаціей шла все усиливающаяся германизація. Высшія сословія, города и окраины Чехіи и Моравіи наполнялись новыми пришлецами-Нѣмцами, которые замѣняли выселившуюся интеллигенцію. Такимъ образомъ чешская народность, въ теченіи XVII и XVIII вѣковъ, упала до такой степени, что даже сами чешскіе патриоты отчаявались въ возможности возрожденія своего народа.

Надъ духовною жизнью остатковъ чешскаго народа бдѣли строгіе стражи—іезуиты. Они изображали ему его прошлое по своему, внушали ему, что самая славная эпоха его исторіи (1403—1620 гг.)—страшное заблужденіе. Гусъ, Жижка, Проконій, Юрій Подѣбрадскій, Рокицана, Аугуста, Благославъ, Будовець и другіе чешскіе герои XV—XVII вѣковъ, представляемы были сыновьями дьявола, извергами ада, чудовищами; при произношеніи ихъ именъ, благочестивый Чехъ XVII—XVIII вѣковъ откренчивался и наполнялся страхомъ и ужасомъ. Іезуиты и ихъ орудія, бродя въ Чехіи, отнимали, сожигали или рвали всѣ чешскія и латинскія книги, писанныя съ появленія Гуса до 1620 года: всѣ эти книги считались или еретическими, или подозрительными.

При такомъ положеніи дѣлъ, чешская исторіографія не могла процвѣтать. Чешскую исторію стали разрабатывать почти исключительно католическіе монахи, особенно іезуиты, и можно себѣ вообразить, въ какомъ духѣ эти исторіографы представляли народу его исторію!

Поворотъ къ лучшему сдѣланъ только во второй половинѣ XVIII

вѣка, когда новыя начала стали пріобрѣтать себѣ господство въ жизни государственной, научной и литературной, когда стали исчезать многія узы, сковывавшія до тѣхъ поръ и чешскую историографію.

Тогда началъ свою дѣятельность патріархъ чешской исторической критики, *Добнеръ*, изданіемъ важныхъ „*Annales Hayesi*“, то-есть, латинскаго изданія лѣтописца *Гайка* XVI вѣка, съ критическими объясненіями. Обширная чешская хроника Вячеслава Гайка (1541 г.), написанная въ смыслѣ строго католическомъ, стала впоследствии, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, любимымъ чтеніемъ чешскаго просто-народья, избѣгнувъ костровъ и индексовъ іезуитовъ. Хроника эта написана не только безъ всякой критики, но и съ большою долею недобросовѣстности, и надо удивляться, что она могла вводить въ заблужденіе даже такихъ историковъ, какимъ былъ, знаменитый въ свое время ученый, іезуитъ *Бальбинъ* († 1688 г.). Эта-то хроника Гайка, написанная по чешски, переведена была въ XVIII вѣкѣ на латинскій языкъ; Добнеръ же, снабдивъ переводъ критическими замѣчаніями, сталъ ее издавать, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своего труда († 1790 г.). Стараніемъ Добнера авторитетъ Гайка наконецъ рухнулъ къ немалой пользѣ чешской историографіи. Эта побѣда критики надъ авторитетомъ Гайка замѣтна уже въ историческихъ трудахъ современниковъ Добнера, въ исторіяхъ Чехіи *Шубички* и *Пельцеля*, равно какъ и въ историческихъ трудахъ *Добровскаго*. Разумѣется, и эти труды представляютъ только несовершенныя попытки нарисовать картину чешской исторіи; но замѣтный прогрессъ является именно въ томъ, что эти писатели уже не увлекаются баснями Гайка, а черпаютъ свѣдѣнія прямо изъ источниковъ и разбираютъ ихъ критически.

Вторая половина XVIII вѣка ознаменована *возрожденіемъ чешской народности*. Тогда готовились нанести чешскому, какъ казалось спящему летаргическомъ сномъ, народу смертельный ударъ и докончить давно приготавливаемую его германизацію. Но этотъ планъ не удался. Вслѣдствіе германизаторскихъ тенденцій австрійскаго правительства, чешскій народъ, напротивъ, пробудился къ новой жизни. Чешское національное движеніе, хотя шло медленно, но его уже ничѣмъ нельзя было остановить, благодаря неуныннымъ трудамъ чешскихъ писателей и дѣятелей.

Не мало способствовало къ этому возрожденію чешскаго народа и развивавшееся изученіе его исторіи. Въ царствованіе императора Іосифа II повѣяло болѣе либеральнымъ духомъ въ разныхъ сферахъ общественной и научной жизни. Въ то время, хотя отчасти, снято было

Вѣковое давленіе, наложенное на чешскую исторію. Тогда раздается также даже изъ среды чешскаго католическаго духовенства голосъ: „Гусъ не еретикъ“, и вскорѣ присоединяется къ нему кликъ: „Жижка—славный чешскій полководецъ и мститель Гуса!“—къ немалому изумленію іезуитско-нѣмецкихъ кружковъ, не сомнѣвавшихся въ смерти ненавистнаго имъ чешскаго народа. Не всѣ историки чешскіе стали уже довольствоваться сухимъ изложеніемъ фактовъ и ихъ критическою разработкой; нѣкоторые начинаютъ писать съ патріотическимъ вдохновеніемъ и представляютъ чешскому народу картину его блестящей исторіи, въ утѣшеніе и назиданіе. Такъ именно дѣйствовалъ *Пельцель*, одинъ изъ лучшихъ чешскихъ дѣятелей и историковъ конца XVIII вѣка.

Главнымъ недостаткомъ чешской исторіографіи того времени было—не считая разныхъ другихъ препятствій—то, что чешскіе историки стали разрабатывать свой предметъ преимущественно по лѣтописямъ и вообще по источникамъ болѣе извѣстнымъ, а не обращали надлежащаго вниманія на документальные памятники, грамоты и пр., хранившіеся въ архивахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Это можно сказать именно о трудѣ *Пубички*, который въ 1770—1801 гг. издалъ десять томовъ исторіи чешской, сухой и довольно безжизненной компиляціи. Пубичка довелъ свою исторію до 1618 года; смерть автора (1807 г.) прекратила обнародованіе XI тома, доведеннаго до 1630 года. Свою исторію Пубичка издавалъ съ помощію чешскихъ чиновъ, которые охотно пожертвовали деньги изъ земской казны на сочиненіе „для прославленія чешскаго народа“. Смертью Пубички прекратилось дальнѣйшее изданіе его исторіи, и чешскіе чины долго не могли найти ему преемника, который бы продолжалъ его трудъ.

Всѣ вышеприведенные труды по чешской исторіи, Добнера, Пубички, Пельцеля, Добровскаго и др., писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; по чешски одинъ только Пельцель сталъ писать „Новую хронику чешскую“, но довелъ ее лишь до гуситскаго движенія. Причины ясны. Чешская народность, послѣ страшныхъ погромовъ, постигшихъ ее въ 1620—1648 гг., упала такъ, что сдѣлалась достоиніемъ только простаго народа; высшія сословія, шляхта и города, онемечились, и хотя продолжали признавать себя въ политическомъ отношеніи „Чехами“, чинами чешскаго королевства и моравскаго маркграфства, но все-таки говорили и писали только по латински или по нѣмецки. Чешскій языкъ знали очень немногіе изъ нихъ. Къ этому постепенному онемеченію присоединились во второй

половинѣ XVIII вѣка, со временъ Маріи Терезіи и Іосифа II, германизаторскія тенденціи австрійскаго правительства.

Съ другой стороны, эти самыя тенденціи пробудили чешскій народъ къ новой жизни, поощряли ревностныхъ чешскихъ патриотовъ къ неутомимой дѣятельности, которая и не осталась безплодна: чешская народность въ самомъ дѣлѣ стала возвышаться, не смотря на всѣ многочисленныя препятствія. Не забудемъ, что пробужденіе чешскаго народа происходило только частнымъ образомъ, благодаря безпредѣльному самопожертвованію нѣсколькихъ лицъ, не только безъ содѣйствія, но еще при сопротивленіи правительственныхъ кружковъ. Чешскій языкъ нигдѣ не былъ въ употребленіи въ публичной жизни; вездѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій: во всѣхъ школахъ, начиная съ такъ-называемыхъ нормальныхъ (приходскихъ) школъ, и гимназій до университета и технического института, въ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, государственныхъ, городскихъ и многочисленныхъ патримональныхъ (дворянскихъ); по нѣмецки говорила шляхта, мѣщане, чиновники, профессора и вообще почти вся интеллигенція въ Чехіи и въ Моравіи. Правда, и между высшими сословіями и интеллигенціей встрѣчались патриоты — они-то и способствовали къ учрежденію чешскаго народнаго музея (1818 г.); но они считали полное возрожденіе чешскаго народа, по ихъ взглядамъ уже приговореннаго къ неминуемой смерти, и восстановленіе чешскаго языка дѣломъ невозможнымъ. Такими патриотами были напримѣръ Хотки, Коловраты, Штернберги, Кинскіе и другіе, таковъ былъ и патриархъ славистики Іосифъ Добровскій. Этимъ людямъ усилія и стремленія Пельцеля, Крамеріуса, Шухмайера, Юнгманна, Пресля и другихъ вдохновенныхъ борцовъ за чешскую народность казались несбыточными утопіями. Кромѣ того, возникшія въ самой средѣ чешскихъ писателей распри объ орфографіи, пуризмѣ и другихъ мелочахъ, выставляли ихъ въ глазахъ публики не въ очень выгодномъ свѣтѣ.

Чешскій языкъ раздавался только въ деревняхъ, да въ устахъ малочисленныхъ писателей и патриотовъ чешскихъ, а въ публичной жизни — лишь только въ самыхъ низшихъ народныхъ школахъ, и на амвонахъ проповѣдниковъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Чехіи, когда весной 1823 г. прибылъ въ Прагу, изъ странъ угорскихъ Словаковъ, двадцатипятилѣтній Мораванинъ, человекъ скромный, безъ средствъ и безъ связей, извѣстный лишь только маленькому кружку чешскихъ литераторовъ

нѣкоторыми стихотвореніями и эстетическими статьями. Это былъ—
Францъ Палацкій.

Познакомившись со всѣми знаменитостями науки и литературы того времени, въ томъ числѣ съ графами Штернбергами (Каспаромъ и Францомъ), и съ Юсифомъ Добровскимъ, Палацкій скоро занялъ между ними видное мѣсто. Вросивъ разнообразныя студіи, онъ посвятилъ себя исключительно *чешской исторіи*, не имѣя другаго желанія, „какъ ради добра отечества совершить что-нибудь полезное и знаменитое“. Уже тогда, сознавъ главный недостатокъ своихъ предшественниковъ, онъ сталъ знакомиться съ архивными и вообще рукописными сокровищами, и работать въ архивахъ въ Требони, Индриховомъ Градицѣ, Рудницѣ, Будѣвицахъ и въ государственномъ архивѣ въискомѣ.

Палацкій вовсе не раздѣлялъ взглядовъ вышеупомянутыхъ чешскихъ патриотовъ на счетъ неминуемой гибели чешской народности. „Если будемъ всё такъ себя вести“, высказалъ онъ однажды (въ 1825 году) графу Каснару Штернбергу, президенту чешскаго музея, и Добровскому, „то, конечно, нашъ народъ погибнетъ съ духовнаго голоду; но я, еслибъ я былъ даже цыганскаго роду и послѣдній его потомокъ, то считалъ бы своею обязанностью всячески стараться, чтобъ осталась по немъ по крайней мѣрѣ честная память“. Результатомъ этого достопамятнаго разговора былъ между прочимъ и планъ изданія *музейныхъ журналовъ* на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, которые и стали выходить съ 1827 года. Въ нихъ сосредоточились всё тогдашнія умственныя и научныя силы Чехии, чешской и нѣмецкой народности. Редакція обоихъ журналовъ поручена была Палацкому.

Молодой ученый скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Уже въ 1827 году чешскіе чины имѣли Палацкаго въ виду для продолженія чешской исторіи Пубички. Но Палацкій, съ удовольствіемъ принимая это предложеніе въ принципѣ, прямо указалъ и на неудобство сего, а именно на то, что сочиненіе Пубички не соответствуетъ требованіямъ современной науки. Кромя того, эпоха чешской исторіи, о которой слѣдовало писать, была самая трудная и щекотливая и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ какъ тогда самостоятельное государство Чешское перестало существовать—мало интересная. Поэтому Палацкій предложилъ чешскимъ чинамъ написать совѣмъ новую исторію своего народа. Труды чешскихъ историковъ прежнихъ временъ—такъ разсуждалъ Палацкій—страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ,

именно тѣмъ, что эти историки, пользуясь особенно бѣдными и сухими лѣтописями, наполняютъ свои книги довольно безсвязными разказами о войнахъ, революціяхъ и проч., а на внутреннюю жизнь народа не обращаютъ почти никакого вниманія. Архивные документы остались этимъ историкамъ по большей части неизвѣстными, или они ими пользовались очень мало. А все-таки только изъ этихъ документовъ чешская исторія можетъ выясниться и только такимъ образомъ можно приобрести себѣ болѣе ясное представленіе о государственномъ и общественномъ устройствѣ, судопроизводствѣ, культурѣ и прочихъ сторонахъ внутренней жизни Чешскаго народа. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ документовъ долженъ сдѣлать самъ историкъ, такъ какъ онъ одинъ только можетъ оцѣнить нужное и имъ воспользоваться. Надо осмотрѣть разные архивы пражскіе и провинціальныя, архивы моравскіе, вѣнскіе, пештскіе: изъ заграничныхъ—архивы въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Бреславлѣ, Пулавахъ и ватиканскій въ Римѣ. Прежде чѣмъ не будетъ оконченъ этотъ долготѣннй трудъ, нечего и думать о писаніи чешской исторіи, то-есть, такой исторіи, которая бы представляла что-нибудь болѣе, чѣмъ компиляцію изъ печатныхъ книгъ. Такой громаднй трудъ—собрать матеріалы и сводить ихъ, разумѣется, не можетъ предпринять человѣкъ безъ большихъ средствъ, — для этого нужно значительное вспомошествованіе со стороны чиновъ. Еслибы чины Чешскаго королевства захотѣли способствовать развитію отечественной исторіографіи и возложили бы этотъ трудъ на него, Палацкаго, то его пламенное желаніе было бы исполнено. Предложеніе это ревностно поддержалъ благороднй и ученый графъ Францъ Штернбергъ, и чешскіе чины согласились, на сеймѣ 1829 года, назначить Палацкаго своимъ исторіографомъ.

Для рѣшенія сеймоваго заключенія на счетъ назначенія Палацкаго „исторіографомъ чешскихъ чиновъ“ нужно было утвержденіе правительства. Но высшій канцлеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), въ то время графъ Заурау, отвѣтилъ, что онъ считаетъ ходатайство чешскихъ чиновъ непозволительнымъ (*unzulässig*).

Недовольные тѣмъ, чешскіе чины представили канцлеру ремонстрацію, и на этотъ разъ графъ Заурау уступилъ и счелъ ходатайство уже возможнымъ. Объ этомъ же самомъ дѣлѣ хлопоталъ и государственный и конференцъ-министръ, графъ Коловратъ, бывшій намѣстникъ чешскій; онъ самъ два раза вручалъ императору Францу актъ для подписи, но тотъ устранилъ его словами: „это можетъ

еще подождать“, и наконецъ (1830 г.) уже прямо отказалъ (der Antrag hat vor der Hand auf sich zu beruhen).

Такъ какъ „исторіографъ чешскихъ чиновъ“ не былъ утвержденъ, то чины поручили Палацкому уже не продолженіе исторіи Пубички, а новое сочиненіе съ вознагражденіемъ 1.200 гульденовъ въ годъ. Но и это не поправилось въ Вѣнѣ, и когда Палацкій, въ 1831 году, желая облегчить себѣ доступъ въ Мюнхенскій государственный архивъ, назвалъ себя „дезигнованнымъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ“, то въ Вѣнѣ тотчасъ же обратили на это вниманіе и Палацкій получилъ въ Мюнхенѣ черезъ австрійскаго посланника выговоръ.

Титулъ „исторіографа чешскихъ чиновъ“ утвердилъ за нимъ въ 1838 году уже императоръ Фердинандъ. Позже титулъ этотъ былъ замѣненъ титуломъ „исторіографъ земскій“.

Съ 1831 года Палацкій, въ своей новой должности, сталъ продолжать уже до того времени предпринимаемыя имъ изслѣдованія въ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ, и продолжалъ ихъ до недавняго времени (1863 года).

Въ теченіе этого времени онъ рассмотрѣлъ наиболѣе важныя архивы и библіотеки въ Чехіи и въ Моравіи, именпо въ Прагѣ—университетскій, Вышеградскій, канцелярскій, наместническій, городской, доски земскія и другія, знаменитый архивъ Требонскій (въ немъ работалъ онъ девять разъ), архивы въ Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Осѣкѣ, Домажлицахъ, Будѣйвицахъ, Духцовѣ и другихъ городахъ; въ архивахъ моравскихъ, въ Оломуцѣ, Кромѣжирѣ и др., въ важномъ придворномъ архивѣ вѣнскомъ, въ которомъ, между прочимъ, хранится бывшій государственный архивъ чешскій и архивы уничтоженныхъ чешскихъ монастырей, въ архивахъ пештскихъ. За границей работалъ онъ преимущественно въ Ватиканскомъ архивѣ въ Римѣ, нѣсколько разъ въ Вратиславлѣ (Бреславлѣ), Берлинѣ, Франкфуртѣ, Згорѣльцѣ (Герлицѣ), Будышинѣ (Бауценѣ), Бамбергѣ, Эрфуртѣ, Вольфенбюттелѣ, Лейпцигѣ, Базелѣ, Парижѣ и проч. Особенно важныя приобрѣтенія сдѣланы были имъ въ Ватиканскомъ архивѣ (1837 г.): Палацкій здѣсь прочиталъ 45.000 грамотъ и списалъ больше 400; о научной сторонѣ своего путешествія въ Римъ и вообще въ Италію, онъ сообщилъ въ статьѣ *Litterarische Reise nach Italien im J. 1837* (Prag, 1838), и въ письмахъ къ Шафаріку и Хмеленскому (въ Часописѣ Чешскаго музея 1837 года).

Очеркъ дѣятельности Палацкаго мы раздѣлимъ на три части. Во-первыхъ, поговоримъ вкратцѣ о его *литературной дѣятельности*,

относящейся къ языку и литературѣ чешской; потомъ взглянемъ на него, какъ на *собираателя и издателя* матеріаловъ по чешской исторіи и, наконецъ, какъ на *исторіографа*.

I. Литературная дѣятельность Палацкаго.

Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить объ исторической дѣятельности Палацкаго, коснемся хоть вкратцѣ его дѣятельности по чешской литературѣ и по чешскому языку, — дѣятельности, которая во многомъ тѣсно связана съ его историческими трудами, равнымъ образомъ какъ и съ возрожденіемъ Чешскаго народа въ теченіе первой половины нашего вѣка.

Мы уже выше сказали, что когда Палацкій прибылъ въ Прагу, литературная дѣятельность чешская находилась только въ зародышѣ; чешскій языкъ, вытѣсненный изъ школъ и изъ присутственныхъ мѣстъ находилъ себѣ убѣжище только въ маленькомъ кружкѣ чешскихъ литераторовъ. Въ числѣ ихъ были, конечно, и люди просвѣщенные и высоко образованные, какъ, на примѣръ, Юнгманъ и Пресль, но большинство, хотя тоже воодушевленные борцы за чешскую народность, были люди довольно простые и недалекіе. Занимался съ любовью и увлеченіемъ роднымъ языкомъ, форма котораго была строго установлена уже 300 — 400 лѣтъ тому назадъ, они стали подѣскивать въ немъ разные недостатки, то въ правописаніи, то въ формальномъ, то въ лексикальномъ отношеніяхъ. Изъ этого возникали споры и эти-то споры о буквахъ, правописаніи, нуризмѣ, неологизмахъ, просодіи и пр. занимали тогда въ литературной дѣятельности чешской одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ.

Палацкій, сдѣлавшись редакторомъ главнаго органа тогдашней литературы чешской, „Журнала Чешскаго музея“ (съ 1827 года), сталъ, конечно, важнымъ лицомъ въ кружкѣ писателей, не говоря уже о все болѣе увеличивавшемся значеніи его какъ историка. Онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и своимъ образованіемъ значительно превышавшій большинство своихъ современниковъ-литераторовъ, съ перваго же шага сталъ на точку зрѣнія самостоятельную и безпристрастную. Сознывая, что безплодные споры о буквахъ и пр. ни къ чему не ведутъ, да еще вредить литературной дѣятельности, онъ не далъ имъ мѣста въ музейномъ журналѣ, и требовалъ отъ чешскихъ писателей, чтобъ они старались всѣми силами писать полезныя кнѣги для поученія только что пробуждавшагося народа. Въ такомъ духѣ онъ велъ и журналъ музейный во все время

своего редакторства (до 1837 года). Журналъ этотъ сдѣлался достойнымъ органомъ возрождавшейся чешской литературы; онъ предлагалъ публикѣ хорошія статьи, знакомилъ ее съ различными памятниками древне-чешской литературы и значительно способствовалъ къ усиленію національнаго сознанія въ Чехіи и въ Моравіи. Между тѣмъ какъ чешскій журналъ музейный преуспѣвалъ, журналъ, издаваемый на нѣмецкомъ языкѣ тоже подъ редакцію Палацкаго, долженъ былъ прекратиться уже въ 1831 году. Палацкій, въ концѣ своей редакторской дѣятельности (въ 1837 году редакція была передана Шафарику) съ справедливою гордостью могъ указать на успѣхи журнала.

Палацкому принадлежитъ честь не только поднятія „Журнала Чешскаго музея, но и самаго музея и разныхъ его секцій. Уже въ 1830 году Палацкій, вмѣстѣ съ Юнгманномъ и Пресломъ, дали мысль объ учрежденіи особой секціи музейной для научнаго образованія чешскаго языка и литературы, и фонда для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ „Матицы чешской“, которая и до сихъ поръ дѣйствуетъ съ большою пользою.

Въ 1841 году Палацкій выбранъ былъ въ члены комитета музейнаго. Въ томъ же году, въ обширномъ меморандумѣ онъ указалъ на нѣкоторые недостатки музея, именно на то, что музей долженъ бы былъ заботиться, вмѣстѣ съ естественными науками, главнымъ образомъ, объ исторіи чешской въ наибольшемъ смыслѣ. Стараніемъ Палацкаго сложены въ музей рукописный *дипломатарій чешскій*, который потомъ безпрестанно умножался новыми списками (надъ переписываніемъ ихъ особенно трудились, подъ надзоромъ Палацкаго, прославившіеся позже историки Эрбенъ и Томекъ); кромѣ того, значительно обогатилась коллекція оригинальныхъ документовъ. Въ 1850 году архивъ музейный содержалъ 16.000 подлинниковъ и больше 10.000 списковъ. Кромѣ архива, Палацкій обратилъ вниманіе и на коллекцію *древностей*, и по его инициативѣ учреждено при музеѣ особое археологическое общество.

При подобной дѣятельности Палацкій, разумѣется, не могъ не имѣть столкновеній съ разными властями, въ особенности съ цензурою. Уже въ 1831 году онъ жаловался на чрезвычайную строгость цензуры высшему бургграфу Хотку, а также на то, что все школьное образованіе, очевидно, стремится къ полной германизациіи и къ истребленію чешскаго языка, что цензура запрещаетъ все, что указывало бы на это печальное положеніе и что бы служило къ возвышенію чешской рѣчи. Промеморія объ этомъ представленная вы-

шеупомянутою секціей для образованія чешскаго языка и литературы, осталась безъ результатовъ. Также не удался планъ Палацкаго издать энциклопедію на чешскомъ языкѣ. Этотъ планъ возмѣли уже въ 1829 году Палацкій, Юнгманнъ и Пресль, побуждая къ тому вышеупомянутую секцію и Матицу чешскую, но не успѣли его осуществить. Въ 1850 — 1855 гг. Палацкій вновь поднялъ этотъ вопросъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чешскими писателями, предложилъ его Матицѣ чешской, ожидая отъ такой энциклопедіи великой пользы для народа. Планъ „Словаря научнаго“ не былъ принятъ Матицей, и кромѣ того общество музейное, напуганное правительствомъ, уступило настоятельнымъ требованіямъ пражскаго полиціймейстера, и въ своемъ годичномъ собраніи 1852 г. не избрало Палацкаго въ члены комитета. Планъ „Словаря научнаго“ осуществился только позднѣе, не съ помощью Матицы, а частнымъ образомъ; редакцію его принялъ на себя зять Палацкаго. Др. Ригеръ и съ помощью многихъ чешскихъ писателей издалъ въ 1859—1874 гг. „Словникъ научный“, лучшую энциклопедію въ литературахъ славянскихъ. Палацкій, послѣ исключенія своего изъ музея, конечно, сталъ держать себя въ сторонѣ, но въ 1861 г. онъ былъ выбранъ опять въ члены музейнаго комитета, въ которомъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

Изучая памятники древнечешской исторіи и литературы, преимущественно XIV—XV вѣковъ, Палацкій рано впикнулъ въ духъ чешскаго языка; онъ, вмѣстѣ съ Юнгманномъ, былъ главнымъ его знаткомъ и считается до сихъ поръ лучшимъ чешскимъ стилистомъ. Известно, что чешскій языкъ уже въ XV—XVI вѣкѣ приобрѣлъ вполне установленную форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ — удивительную гладкость стили, такъ что памятники тогдашней литературы остались и впоследствии образцами языка. Особенно цѣнился языкъ литературы единства чешскихъ братьевъ, именно языкъ Кралицкой библии (1579—1593 гг.), который считается до сихъ поръ классическимъ. Этотъ-то „библейный“ языкъ, крѣпче всего соединившій Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ въ единство литературное, остался образцомъ и канономъ и для новой, пробуждающейся съ конца XVIII вѣка, литературы чешской, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненій, которыхъ требовалъ духъ времени; самая же основа его, формальная, грамматическая и синтаксическая осталась не тронутаю, и измѣненія касались только нѣкоторыхъ недостатковъ орфографіи и способа словосложения. Но многіе новые писатели думали, что въ ли-

тературный языкъ чешскій надо вводить разные измѣненія, то въ орфографіи, то въ формахъ; они поступали такъ не по какимъ-нибудь реальнымъ, вѣскимъ причинамъ, а только по прихоти и своему усмотрѣнію. Двое Чеховъ, жившихъ въ Моравѣ, Тернѣ и Жакѣ, стали ратовать противъ разныхъ формъ чешскаго литературнаго языка, какъ онѣ установились въ теченіе вѣковъ и безъ разбора вводить разные моравизмы и словакизмы.

Противъ такой манеры строго выступилъ Палацкій (1832 г.), и ревностно и съ успѣхомъ защищалъ установившійся до тѣхъ поръ письменный языкъ чешскій. Въ подобномъ же смыслѣ выступилъ Палацкій еще разъ въ 1846 г., защищая нѣкоторыя особенности установившейся орфографіи и грамматики чешской, особенно противъ нововведеній В. Ганки и Франты. Тогда же поднялъ онъ свой голосъ и въ защиту единства общаго литературнаго языка у Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Въ то время Штуръ сталъ письменно употреблять одинъ изъ говоровъ словенскихъ и создавать новую литературу словенскую. Вожаки чешской литературы, Чехи, Моравяне и Словаки, Югманнъ, Шафарикъ, Палацкій, Коларъ и другіе выступили противъ этой опасной попытки и защищали общій древній литературный языкъ для всѣхъ трехъ отраслей одного народа, но, къ сожалѣнію, уже напрасно. Разрывъ установился и существуетъ у Словаковъ до сихъ поръ.

Свои знанія по древнечешскому языку Палацкій обратилъ тоже въ пользу чешской *филологіи*, хотя, разумѣется, дѣятельность его по этому предмету была только второстепенная, такъ сказать, между прочимъ. Такъ, для лучшаго пониманія древнечешскихъ памятниковъ, особенно XV вѣка, онъ составилъ краткій словарь менѣе извѣстныхъ словъ; изъ разныхъ древнихъ грамотъ и другихъ документовъ собралъ множество личныхъ именъ, и пр. На основаніи своихъ богатыхъ коллекцій разныхъ древнечешскихъ названій лицъ и мѣстъ, онъ написалъ важный „Разборъ этимологическій чешскихъ мѣстныхъ названій“ (1834 г.), и указалъ, что названія происходятъ либо отъ именъ лицъ, либо отъ мѣстныхъ особенностей. Эта статья удержала свое значеніе до сихъ поръ не только для чешскихъ, но и вообще для славянскихъ мѣстныхъ названій. Тѣ же самыя явленія какъ у Чеховъ, встрѣчаемъ мы и у другихъ Славянъ; такъ, напримѣръ, чешскія названія мѣстъ—Чаславъ, Яроміръ, Кіевъ, Богуславицы, Славітинъ,—происходящія отъ именъ лицъ: Чаславъ, Яроміръ, Кій, Богуславъ,

Славѣта,—повторяются и у другихъ Славянъ, напримѣръ, у Русскихъ: Ярославль, Володимірь, Кіевъ, Дѣдогостичи, Гордятинъ и проч.

Что касается литературной дѣятельности Палацкаго, то онъ, преимущественно въ качествѣ редактора перваго журнала чешскаго, „Журнала музейнаго“, имѣлъ значительное участіе въ умственномъ движеніи того времени. Его критики на выходившія тогда болѣе или менѣе важныя книги отличаются здравымъ и вѣрнымъ пониманіемъ потребностей чешской публики, подходятъ безъ всякихъ лишнихъ фразъ прямо къ сути дѣла. Палацкій не былъ чуждъ и изящной литературы: до своего прибытія въ Прагу онъ написалъ нѣсколько поэмъ, занимался чешскою просодіей и особенно *эстетическими* студіями: статьи по послѣднему предмету, писанныя въ 1820—1823 гг., свидѣтельствуютъ, что молодой литераторъ усердно старался изучить его. Критики на трагедію „Ангелина“, альманахъ „Весна“, „Отголоски русскихъ пѣсенъ“ Челаковскаго и др. доказываютъ, что Палацкій сумѣлъ воспользоваться результатами своихъ прежнихъ занятій по изящной словесности.

Труды Палацкаго по *исторіи чешской литературы* относятся преимущественно къ древнечешскому періоду. Особенно замѣчательны статьи о чешскихъ *прогностикѣхъ и календаряхъ* XVI вѣка (написана въ 1829 году), статья по исторіи чешской астрологіи, астрономіи и математики, повдѣе разширенная Ганушемъ. Изъ этой статьи мы видимъ, между прочимъ, что одинъ изъ издателей чешскаго календаря, ректоръ Кодициллъ выпустилъ память I. Гуса и Иеронима,—праздновавшуюся у Чеховъ въ день 6-го іюля,—ко всеобщему негодованію гуситскихъ Чеховъ: „Вылетѣлъ у Чеховъ изъ Праги Гусъ—продать его магистръ Кодициллусъ“, такъ насмѣхались они надъ издателемъ. Въ томъ же году (1829) Палацкій написалъ по-чешски и по-нѣмецки біографію славнаго философа и педагога чешскаго *Коменскаго*, защищая его противъ Бели (Baile) и Аделунга. Еще недавній біографъ этого знаменитаго епископа единства чешскихъ братьевъ, Зоубекъ (1871 г.), съ благодарностью отзывается объ этой статьѣ Палацкаго. Назовемъ здѣсь и другіе труды Палацкаго, а именно статьи его объ ученой дѣятельности Добровскаго и графовъ Штернберговъ, и изданіе автобіографіи графа Каспара Штернберга.

Особенное вниманіе обратилъ Палацкій на драгоцѣнныя остатки древнечешской поэзіи, на рукописи *Краледворскую* и *Зеленогорскую*. Извѣстно, что эти рукописи, найденныя въ 1817 году, произвели тогда большую сенсацію не только у Чеховъ, но и у остальныхъ Славянъ

и вообще во всей Европѣ. Скоро переведенныя почти на всѣ европейскіе языки, эти рукописи сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Кромѣ поэтической цѣны, рукописи эти имѣли еще другое значеніе: они свидѣтельствовали о высокой степени цивилизаціи древнихъ Чеховъ, еще до упроченія у нихъ нѣмецкаго вліянія, слѣдовательно о самобытной цивилизаціи славянской. Понятно, почему эти древнечешскіе памятники возбудили у Славянъ всеобщій восторгъ, но съ другой стороны понятно также, что Нѣмцы стали смотрѣть на нихъ искоса и мало по малу заподозрѣвать ихъ подлинность. Противъ подлинности Зеленогорской рукописи возсталъ и самъ патріархъ славистики, Іосифъ Добровскій; противъ же Краледворской рукописи возстали гораздо позже, именно съ 1858 года, разные нѣмецкіе ученые, Бюдингеръ, Фейфаликъ и др.

Въ объясненіи и защитѣ обоихъ древнечешскихъ памятниковъ, Палацкій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, одинъ или вмѣстѣ съ своимъ другомъ Шафарикомъ, который—благодаря побужденіямъ и помощи Палацкаго и нѣкоторыхъ другихъ чешскихъ писателей—переселился изъ Новаго Сада южной Угрии въ Прагу (1833 г.). О Краледворской рукописи издалъ Палацкій уже въ 1829 году обширную статью въ вѣнскомъ журналѣ „Jahrbücher der Litteratur“. Онъ думаетъ, что эпическія поэмы Забой и Честміръ сочинены около конца XII вѣка, Бенешъ Германовъ въ началѣ XIII вѣка, остальные—Олдрихъ, Людиша, Ярославъ,—во второй половинѣ XIII вѣка; лирическія же пѣсни взяты изъ устъ народа. Собраніе всѣхъ этихъ пѣсень, а отчасти и авторство (пѣсней Олдрихъ, Людиша, Ярославъ) онъ приписываетъ славному Завишѣ Витковичу († 1290 г.). Но въ поздѣйшихъ трудахъ, именно въ своей чешской исторіи и въ историческихъ примѣчаніяхъ къ изданію Зеленогорской и Краледворской рукописей графа I. M. Туна (*Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Mit einer Einleitung von P. I. Šafarik und Anmerkungen von F. Palacký, Prag, 1845*), Палацкій отступилъ отъ своего прежняго мнѣнія: поэмы Забой и Честміръ относитъ онъ къ болѣе древнему языческому періоду, точно также какъ и пѣснь Олень; поэму Олдрихъ приписываетъ началу XI вѣка, вскорѣ послѣ событія, воспѣтаго ею (1004 г.), и проч. Въ своей чешской исторіи онъ признаетъ поэмы Олдрихъ, Бенешъ и Ярославъ отчасти даже источниками; остальные же—важными свидѣтельствами о внутренней жизни Чеховъ. Палацкому принадлежитъ заслуга болѣе точнаго опредѣленія нѣкоторыхъ событій и лицъ, встрѣчающихся въ Краледворской рукописи. Такъ, напримѣръ, раз-

казываемое въ поэмѣ событіе о пораженіи Саксонцевъ чешскимъ проstonародьемъ въ сѣверной Чехіи, подъ Бенешомъ-Германовымъ—Добровскій, Мейнертъ и Свобода относили къ 1281—1282 гг.; но Палацкій (въ 1829 г.) доказалъ, что оно относится къ 1203 году, и отыскалъ въ грамотахъ 1197—1222 годовъ Бенеша сына Германа, жупана Будышинскаго. Разказъ автора поэмы „Ярославъ“ объ убіеніи княжны Кубласныи Нѣмцами Палацкій (въ 1841 г.) объяснилъ мѣстомъ изъ Волинской (Ипатіевской) лѣтописи объ ограбленіи русскаго князя Михаила Всеволодонича и убіеніи его внучки около Середы, въ Силезіи (1241 г.), и проч.

Когда съ 1858 года нѣмецкіе писатели стали сомнѣваться въ подлинности Краледворской рукописи, Палацкій былъ первый, который поднялъ свой голосъ въ защиту этого драгоцѣннаго славянскаго памятника, и прямо указалъ на источникъ спора, который проистекаетъ не изъ чистыхъ научныхъ цѣлей, а изъ совсѣмъ другихъ побужденій, именно изъ той „innata Teutonicis superbia, quod semper tumido fastu habent despectui Slavos et eorum linguam“, какъ говорить уже первый лѣтописецъ чешскій, Косма. Вслѣдствіе этихъ статей Палацкаго (1858—1859 гг.) началась живая полемика между чешскими и нѣмецкими учеными, окончившаяся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ; по крайней мѣрѣ, послѣ изданія важнаго сочиненія братьевъ Иречковъ о Краледворской рукописи (1862 г.), Нѣмцы совсѣмъ замолкли.

Равнымъ образомъ, какъ за Краледворскую, ратовалъ Палацкій и за подлинность Зеленогорской рукописи и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древнечешской литературы. Уже въ 1834 году онъ возстаегъ противъ Палковича, подозрѣвавшаго эту рукопись въ фальсификаціи и—вмѣстѣ съ Шафарикомъ—объясняетъ обширное сочиненіе по этому предмету. Черезъ шесть лѣтъ Палацкій и Шафарикъ, вмѣстѣ и въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, издали важный трудъ: „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache: Libuša's Gericht, Evangelium Johannis, der Leitmeritzer Stiftungsbrief, Glossen der Mater Verborum“ (Prag, 1840). Здѣсь разобраны съ большимъ ученымъ авторитетомъ вышеприведенные памятники, особенно же Зеленогорская рукопись (Любушинъ судъ), въ отношеніи палеографическомъ, филологическомъ и историческомъ; доказательства подлинности Зеленогорской рукописи направлены особенно противъ Добровскаго, мнѣніе котораго касательно памятника вполне опровергается. Приведенія въ этой книгѣ доказательства подлинности памятниковъ, особенно рукописи Зеленогорской,

такъ вѣски, что съ тѣхъ поръ никто не отваживался ихъ опровергать, и подлинность Зеленогорской рукописи, послѣ недавняго (1859 года) объясненія загадочнаго ея открытія и статей Гатталы, сдѣлалась неоспоримою.

II. Палацкій какъ собиратель и издатель матеріаловъ по чешской исторіи.

Палацкій, уже въ началѣ своихъ историческихъ занятій, понималъ, что пока не собраны разныя матеріалы по отечественной исторіи, нечего и думать о систематическомъ ея изложеніи. Поэтому онъ съ самаго начала не ограничивался только выписками изъ архивныхъ документовъ и другихъ источниковъ, но обратилъ вниманіе на ихъ собраніе или списываніе и — на сколько позволяли тогдашнія средства — на ихъ обнародованіе.

1) *Собраніе лѣтописей.* Съ развитіемъ историческихъ наукъ въ Чехіи со второй половины XVIII вѣка, обращено было вниманіе на изданіе древнихъ чешскихъ лѣтописей. Стараніемъ Добнера, Добровскаго и Пельцеля издали еще въ XVIII вѣкѣ: древніе чешскіе лѣтописцы, Косма и его продолжатели, Викентій, Герлахъ, Петръ Збраславскій, Неплахъ, Францискъ, Бенешъ Крабица, Мариньола, Пулкава, Бартошекъ и другіе, въ сборникахъ: *Monumenta historica Bohemiae* (6 vol., 1764—1785) и *Scriptores rerum bohemicarum* (2 vol., 1783—1784). Кромѣ того, Прохазка издалъ тогда и чешскаго Пулкаву и римованную хронику такъ называемую Далимила. Всѣ эти лѣтописцы доходятъ только до начала XV вѣка, кромѣ Бартошка изъ Драгоничъ. описавшаго событія 1419—1443 гг. XV столѣтіе, бурная эпоха гуситская, очень бѣдна домашними лѣтописями; хроники Лаврентія изъ Брезовой, Николая изъ Пельгримова и нѣкоторыя мелкія хроники оставались въ рукописяхъ; въ числѣ послѣднихъ есть также нѣсколько писанныхъ по чешски. Уже въ 1825 году ученое общество Пражское, побужденіемъ графа Штернберга, поручило Палацкому собраніе и сведеніе этихъ, по чешски писанныхъ, лѣтописей, преимущественно относящихся къ XV вѣку. Палацкій для этой цѣли собралъ семнадцать рукописей, сравнилъ и свелъ ихъ въ одно, и издалъ какъ третій томъ къ вышедшимъ уже книгамъ Добровскаго и Пельцеля *Scriptores rerum bohemicarum: Staří letopisové českí od r. 1378 do 1527* (v Praze 1829, стр. 534). Хотя эти лѣтописи довольно скудны, но все-таки, при бѣдности домашнихъ источниковъ для исторіи XV вѣка, представляютъ много важнаго матеріала, записаннаго по большей ча-

сти очевидцами; кромѣ того онѣ важны и какъ памятники чешскаго языка XV вѣка. Лѣтописи ведутъ люди простые, мѣщане, ревностные патріоты чешскіе и „любители чаши Христовой“, то-есть гуситскіе утравквисты. Къ этимъ лѣтописямъ Палацкій прибавилъ и разныя другія статьи подобнаго содержанія, наиримѣръ, риёмованные разказы о началѣ гуситства, о ссктѣ таборской, о смерти священника-демагога Іоанна Желивскаго, о священникѣ Михаилѣ Полякѣ и друг. Очень жаль, что Палацкій не продолжалъ этой издательской дѣятельности, что онъ не издалъ именпо Младеновица, Прибрама, Лаврентія изъ Врезовой, Николая изъ Пельгримова и другихъ памятниковъ о гуситскомъ движеніи. Изданіе этихъ важныхъ источниковъ предоставилъ онъ нѣмецкому профессору Гёфлеру, который, не будучи въ состояніи хорошо читать рукописи XV вѣка и не зная ни слова по чешски, издалъ эти памятники съ безчисленными ошибками, и кромѣ того, снабдилъ ихъ весьма неудачными разглагольствованіями (*Scriptores rerum hussiticarum*, 3 vol., 1856—1866). Это чрезвычайно плохое изданіе, обнародованное вѣнскою академіей, было поводомъ къ тому, что Палацкій, въ особой вѣпигѣ, долженъ былъ открыть ученому міру всѣ ошибки и промахи нѣмецкаго издателя. (*Die Geschichte des Hussitenthums und Professor Höfler*, 1868).

Рѣдкость и недостаточность изданій источниковъ по чешской исторіи дали Палацкому поводъ къ отличной мысли, которая по его плану уже осуществляется. Въ 1868 году Палацкій праздновалъ свой 70-ти лѣтній день рожденія. Чешскій народъ собралъ тогда значительную сумму, около 20,000 гульденовъ, изъ которой созданъ фондъ Палацкаго для пособія чешской историографіи. Палацкій назначилъ ббльшую часть процентовъ для критическаго изданія всѣхъ памятниковъ чешской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. Въ это изданіе должны войдти легенды, лѣтописи и разныя статьи лѣтописнаго содержанія, всѣ въ подлинникѣ, съ чешскимъ переводомъ и критическими примѣчаніями. Изданіе началось съ 1871 года (*Fontes rerum bohemicarum*), и первый томъ содержитъ въ себѣ *Vitae Sanctorum*, легенды о свв. Кириллѣ и Меодіѣ, Иванѣ, Людмилѣ, Вячеславѣ, Войтѣхѣ и проч. Второй томъ, только что начинающійся, содержитъ хроніку Космы. Кромѣ домашнихъ лѣтописей, въ изданіе войдутъ и выписки изъ чужихъ лѣтописей — нѣмецкихъ, польскихъ, угорскихъ, русскихъ и другихъ, касающихся чешской исторіи. Въ изданіи *Fontes rerum bohemicarum* участвуютъ всѣ историки чешскіе: Томекъ, Эмлеръ, Иречекъ, Тифтрукъ и друг.; лѣ-
часть CLXXVI, отд. 2.

генды издали Первольфъ, Эмлеръ, Коларъ, Тругларъ, Зоубекъ и друг. Изданіе это, разчитанное на цѣлый рядъ лѣтъ, въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпечено.

2) *Дипломатарій чешскій*. Важность грамотъ для чешской исторіи понимали уже Добнеръ и Пельцель; оба напечатали въ своихъ трудахъ, въ Монуументахъ, въ жизнеописаніяхъ императоровъ и королей Карла IV и Вячеслава IV, значительное число грамотъ. Пельцель задумалъ изданіе чешскаго дипломатарія и для этой цѣли приготовилъ 642 списка грамотъ съ 824 до 1544 г. Грамоты важны особенно для чешской исторіи, такъ какъ лѣтописныя извѣстія часто очень скудны въ разказываніи событій; безъ грамотъ нельзя и думать объ изложеніи политическихъ событій въ нѣкоторыя эпохи, не говоря уже о внутренней исторіи страны. Такъ, чтобы привести одинъ примѣръ, самая важная часть чешской исторіи — гуситское движеніе—излагалась, до Палацкаго, чрезвычайно бѣдно и безсвязно именно по той причинѣ, что историки не могли воспользоваться архивными документами, а лѣтописныя извѣстія объ этой эпохѣ очень скудны. Палацкій, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Прагу, познакомившись съ драгоценными документами богатаго архива Требонскаго (теперь принадлежащаго князьямъ Шварценбергамъ, а прежде—папамъ Розенбергамъ), усвоилъ себѣ совсѣмъ другой взглядъ на этотъ блестящій эпизодъ исторіи не только чешской, но и общечеловѣческой. Важность грамотъ для чешской исторіи понялъ и оцѣнилъ Палацкій вполнѣ, и еще до 1830 года списалъ для себя 1.155 грамотъ и другихъ документовъ. Въ 1831 году онъ обратилъ вниманіе чешскихъ чиновъ на необходимость учрежденія полнаго дипломатарія, на первое время хотя бы только рукописнаго, и съ тѣхъ поръ обогащалъ его съ неутомимымъ прилежаніемъ, или самъ списывая грамоты, или же поручая списывать ихъ изъ разныхъ архивовъ домашнихъ и заграничныхъ. Для древней исторіи, то-есть, до начала XIV вѣка, описаны всѣ какіе только тамъ были памятники, для позднѣйшей—только съ выборомъ, хотя и здѣсь заботились о возможной полнотѣ до начала XVI вѣка. Для этой цѣли далъ пособіе чешскій Музей и нѣсколько членовъ чешской аристократіи (князь Ауэрспергъ, Коллоредо, Шварценберги, графы Вальдштейнъ, Клямъ-Галласъ и др.). Такимъ образомъ, чешскій дипломатарій, умноженный собственными коллекціями Палацкаго, значительно обогатился. Этотъ дипломатарій хранится въ чешскомъ Музеѣ и составляетъ до сихъ поръ одно изъ важнѣйшихъ сокровищъ для чешскихъ историковъ. Къ сожалѣнію, не

нашлось достаточно средствъ для полнаго его изданія, по примѣру моравскаго дипломатарія, который, къ сожалѣнію напрасно отдѣленный отъ чешскаго, издается съ 1836 года. Но если изданіе полнаго дипломатарія чешскаго оказалось невозможнымъ, то все-таки оно замѣнено было позднѣе обширными *регестами*. Извѣстный чешскій ученый, Карль Эрбенъ, будучи архивариусомъ чешскаго Музея, сталъ дѣлать обширныя извлеченія изъ грамотъ чешскаго дипломатарія. Этотъ трудъ, пересматриваемый Палацкимъ, былъ изданъ позднѣе ученымъ обществомъ пражскимъ: *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiac et Moraviae. Pars I, ann. 600—1253 (Pragae, 1855, in 4°, pag. 812, съ подробными index'ами)*. Продолженіе этой публікаціи предпринялъ въ 1872 г. д-ръ Эмлеръ. Эти регесты, будучи довольно обширны, достаточно замѣняютъ пока полный дипломатарій. Какъ богаты эти коллекціи, видно изъ того, что I-й томъ регестъ содержитъ 1.358 нумеровъ грамотъ, писемъ и другихъ документовъ, касающихся исторіи чешской и моравской только до половины XIII вѣка. Издаваемый въ настоящее время II-й томъ доведенъ пока (1874 г.) только до 1300 года и, для сорока семи-лѣтней эпохи, содержитъ уже 1.863 нумера. Такимъ богатствомъ документовъ не можетъ похвалиться ни одинъ другой народъ славянскій. Документы, здѣсь находящіеся, снесены, такъ сказать, со всѣхъ угловъ свѣта, со списковъ музейнаго дипломатарія, списковъ съ другихъ оригиналовъ, изъ разныхъ печатныхъ изданій и пр. Желательно было бы, чтобъ трудолюбивый д-ръ Эмлеръ успѣлъ со временемъ издать свои регесты по крайней мѣрѣ до начала XV вѣка.

Часть чешскаго дипломатарія, особенно документы, относящіеся къ XV вѣку, Палацкій издалъ въ слѣдующихъ сборникахъ.

3) *Формуларіи*. Въ средніе вѣка былъ обычай собирать разныя грамоты, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ такъ-называемые письменники (*manuel epistolaire*), то-есть, какъ образцы для сочиненія подобныхъ документовъ. Такимъ образомъ въ разныхъ формуларіяхъ уцѣлѣло множество документовъ, подлинники которыхъ давно пропали. Палацкій собралъ нѣсколько такихъ формуларій по чешской исторіи,—формуларій королевы Кунигунды (русской княжны, супруги короля Премысла II), разныя формуларіи въ тайномъ архивѣ Эпскомъ, въ монастырѣ Осѣцкомъ, въ архивѣ Требонскомъ, въ Пражскомъ архивѣ капитольномъ и др. Такимъ образомъ изъ разныхъ формуларій восстановлено 422 грамоты, относящіяся къ чешской исторіи XIII и XIV вѣковъ. Палацкій издалъ ихъ подъ названіемъ

Über Formelbücher, zunächst in Bezug auf böhmische Geschichte (2 vol., Prag. 1842—1847).

4) *Архивъ чешскій*. Такъ какъ Чехи приняли христіанство и культуру съ запада, то латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ ихъ государственной и общественной жизни, хотя и народный, чешско-славянскій языкъ, не былъ совсѣмъ вытѣсненъ изъ литературы, какъ это случилось, напримѣръ, въ сосѣдней Польшѣ. Грамоты писаны почти до конца XIV вѣка исключительно на латинскомъ языкѣ; многія грамоты, издаваемые въ городахъ нѣмецкаго происхожденія—также и по нѣмецки. Въ концѣ XIV вѣка стали употреблять въ грамотахъ и чешскій языкъ, а съ начала XV вѣка—съ великаго народнаго движенія гуситскаго—употребленіе его въ публичной жизни сдѣлалось господствующимъ; латинскій языкъ употребляли Чехи въ сношеніяхъ съ иностранцами, или Чехи—ученые. Такихъ документовъ, XIV и XV вѣковъ, писанныхъ по чешски, сохранилось нѣсколько десятковъ тысячъ.

Въ 1840 году, Палацкій, съ помощью чешскихъ чиновъ (позднѣе, съ 1861 года, на земскія деньги), сталъ издавать самый важный изъ сборниковъ—сборникъ разныхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, писанныхъ по чешски, съ XIV до начала XVI вѣка, подъ названіемъ „Архивъ чешскій“. Съ 1840—1873 г., съ промежутками, вышло шесть большихъ томовъ in 4°. Цензура, которой чешскіе чины боялись, на этотъ счетъ не дѣлала никакихъ препятствій до 1848 года, и только наступившая послѣ этого года реакція помѣшала дальнѣйшему его изданію. Въ 1853 году продолженіе Архива чешскаго отсрочено на неопредѣленное время, но послѣ политическихъ переворотовъ 1860 года было опять возобновлено. Чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе объ этомъ важномъ трудѣ, надо ознакомиться вкратцѣ съ его содержаніемъ.

Въ „Архивѣ чешскомъ“ изданы, во первыхъ, *юридическіе памятники* чешскіе XIV вѣка: а) такъ-называемая *книга папа Розенберга*, собраніе юридическихъ обычаевъ, особенно касающихся призыванія къ суду; б) *судебный порядокъ земскаго права*, на латинскомъ и чешскомъ языкахъ; в) такъ-называемая *Majestas Carolina*, то-есть, опытъ свода земскихъ правъ, земскаго уложенія (на латинскомъ и чешскомъ языкахъ), предпринятый императоромъ и королемъ Карломъ IV, но отклоненный чешскими чинами; г) *объясненіе права земскаго* (1400 г.) папа Андрея изъ Дубой, высшаго судьи королевства чешскаго (министра юстиціи), памятникъ чрезвычайно важный и любопытный;

наконецъ д) *земское уложение короля Владислава* 1500 года, то-есть, сводъ земскихъ правъ, на чешскомъ языкѣ, съ позднѣйшимъ переводомъ латинскимъ.

Вторая важная публикація, вошедшая въ „Архивъ чешскій“, это — остатки главнаго *архива древне-чешскаго*, такъ-называемыхъ *земскихъ досокъ*. „Досками“—по-чешски „десками“—называли древніе Славяне записи вообще. Такія „доски, дѣшки“ встрѣчаемъ и на Руси, въ Новгородѣ (въ XIII вѣкѣ) и въ Псковѣ (въ XV вѣкѣ). Въ древней Чехіи назывались „десками“ преимущественно судебныя записи, книги, веденныя въ каждомъ уѣздѣ (жупѣ, позднѣе— краѣ); слѣды такихъ жупныхъ и крайскихъ „доскъ“ сохранились до нашего времени. Съ постепенною централизацией чешскаго государства доски *пражскаго суда* сдѣлались самыми главными и, наконецъ, поглотили всѣ остальные—сдѣлались *земскими*. Мало того—въ эти доски стали записывать не только судебныя дѣла, но вообще всѣ документы, касающіеся государственной, политической и общественной жизни, такъ что земскія доски сдѣлались главнымъ архивомъ чешскаго государства. Сначала записи въ этихъ доскахъ были на латинскомъ языкѣ съ примѣсю многихъ чешскихъ словъ и изреченій; съ половины же XIV вѣка встрѣчаются также и чешскія записи, а съ конца XV вѣка земскія доски велись исключительно на чешскомъ языкѣ. Подобныя тому доски были и въ Моравіи. Въ 1541 году земскія доски чешскія постигло страшное бѣдствіе—онѣ сгорѣли. Во вновь учрежденныя тогда доски вошли и нѣкоторыя записи истребленныхъ досокъ, сохранившихся въ отдѣльныхъ рукописяхъ, грамотахъ и проч., но имѣвшія тогда только практическую, юридическую цѣну; объ остальныхъ записяхъ въ то время не заботились. Палацкій, рано понявъ чрезвычайную важность сгорѣвшихъ земскихъ досокъ для внутренней исторіи чешской, сталъ усердно собирать уцѣлѣвшіе ихъ остатки и печатать ихъ въ „Архивѣ чешскомъ“; древнѣйшая записъ относится къ 1287 году. Виѣстѣ съ тѣмъ Палацкій не переставалъ заботиться о *полномъ* собраніи этихъ драгоценныхъ остатковъ, и по его инициативѣ въ 1863 году принялъ на себя этотъ громаднй трудъ вышеупомянутый молодой историкъ, д-ръ *Эмлеръ*. Съ 1870 года этотъ послѣдній—съ значительнымъ денежнымъ вспоможеніемъ графа Клама-Мартиница, президента чешскаго музея — издаетъ: *Reliquiae tabularum terrae regni Bohemiae. Pozůstatky desk zemských království českého* (пока два тома in 4°),—публикація, чрезвычайно важная для чешской и вообще славянской исторіи и права.

Кромѣ остатковъ досокъ земскихъ, Палацкій печаталъ въ Архивѣ чешскомъ и разныя другіе *юридическіе памятники*: выписки изъ (уцѣлѣвшихъ) досокъ придворныхъ, учрежденныхъ для лентъ (feudum), изъ XIV—XV вѣковъ, приговоры придворнаго и коморнаго суда, записки о дѣлахъ крестыпскихъ и проч. Многіе юридическіе памятники, издаиные Палацкимъ, вошли также въ издаваемый докторомъ Ирецкомъ Codex juris bohemici.

Кромѣ юридическихъ памятниковъ въ архивъ чешскій вошло множество *актовъ историческихъ*, относящихся къ чешской исторіи начиная съ конца XIV до начала XVI вѣка; значительная ихъ часть относится, слѣдовательно, къ гуситскому движенію. Помѣщены тутъ акты сеймовые и другіе публичныя, начиная съ 1394 года до начала XVI вѣка; письма, публичныя и частныя, королей Вячеслава IV, Сигизмунда, Альбрехта, Ладислава, Юрія Подѣбрадскаго, Владислава Ягайловича, Матвѣя Угорскаго; письма разныхъ знаменитыхъ лицъ XV вѣка, Жижки, Сигизмунда Корубутовича, Ольдриха Розенберга, Альша Голицкаго, Шликовъ, Рабштейна, Штернберговъ, Швамберговъ, пановъ Градецкихъ, Лобковицовъ, Коловратовъ, Гиларія Литомѣрицкаго, князей Минстербергскихъ (Подѣбрадовичей), Вилема Перпштейна и др.; акты общинъ Пражской, Домажлицкой, Гораждевицкой, Таборской, Пардубицкой и другіе; разныя важныя акты гуситскіе, напримѣръ: артикулы пѣроучепіи Таборитовъ, заключенія стѣзда Таборитовъ въ Пискѣ вообще нѣсколько сотъ тысячъ разныхъ документовъ, относящихся особенно къ событіямъ XV вѣка. Въ числѣ этихъ актовъ есть нѣкоторыя интересныя и для польской и для русской исторіи: такъ напримѣръ, акты, касающіеся Сигизмунда Корубутовича, польскихъ пановъ изъ Остророга, Тенчина, Дубна, русскаго князя Вячеслава Острожскаго, акты объ избраніи королевича Владислава въ чешскіе короли, акты силезскіе, писанныя на чешскомъ языкѣ и проч.

Изъ этого бѣглаго очерка видна громадная важность Архива чешскаго для чешской исторіи. Кромѣ историческаго, онъ имѣетъ также и *литовистическое значеніе*. Почти всѣ обнаруженныя здѣсь документы писаны на чешскомъ языкѣ; языкъ этотъ является чрезвычайно выработаннымъ, стиль его удивительно гладокъ. „Архивомъ чешскимъ“ Чехи справедливо гордятся: такого собранія актовъ и другихъ памятниковъ не можетъ представить ни одиъ другой народъ славянскій. Желательно, чтобы маститый чешскій историкъ и впродъ продолжалъ это предпріятіе и въ скоромъ времени издалъ бы

всѣ болѣе важные документы, писанные на чешскомъ языкѣ до 1526 года.

5. *Документы о I. Гусѣ*. Религіозно-національное движеніе, которое началось въ Чехіи съ I. Гусомъ, рано привлекало особенное вниманіе Палацкаго, отчасти потому, что эта эпоха чешской исторіи самая блестящая, отчасти и потому, что она до тѣхъ поръ была мало извѣстна. Нѣсколько тысячъ документовъ, относящихся къ этому движенію, писанныхъ на чешскомъ языкѣ, напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Вышеупомянутое, крайне ошибочное и недостаточное, изданіе *Scriptores regum hussiticarum* нѣмецкаго профессора Гёфлера и недѣльны его нападки на Гуса и на гуситское движеніе дали Палацкому поводъ къ важному труду: *Documenta Mag. Joannis Hus, vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam, et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia, quae partim adhuc inedita, partim mendose vulgata, nunc ex ipsis fontibus hausta.* (Pragae 1869, pag. 768). Въ 1865—1868 гг. издалъ К. Эрбенъ собраніе чешскихъ сочиненій I. Гуса (*Sebrané spisy české*); собраніе латинскихъ его сочиненій вышло уже въ 1558 и 1715 гг. въ Нюрнбергѣ (*Historia et monumenta I. Hus atque Hieronymi Prag.*), хотя нѣкоторыя статьи, приписываемыя въ этомъ изданіи Гусу, принадлежатъ не ему. Сборникъ Палацкаго составляетъ важное дополненіе къ этимъ изданіямъ. Въ немъ напечатаны: а) всѣ *письма* Гуса 1408—1415 гг. на языкѣ латинскомъ и чешскомъ, числомъ 92; б) разные документы, относящіеся къ пражскимъ бурямъ, вызваннымъ Гусомъ и къ его дѣлу на Констанцскомъ соборѣ, жалобы духовенства пражскаго и другихъ лицъ, и отвѣты Гуса; в) разказъ *Петра изъ Младеновицъ*, ученика Гуса и очевидца, о дѣлѣ его учителя на соборѣ Констанцскомъ, источникъ очень важный; г) разные документы, числомъ 120, о начинавшемся движеніи гуситскомъ до 1418 года, статута синода пражскаго, акты о спорѣ университетскомъ и побѣдѣ Чеховъ въ пражскомъ университетѣ, акты о волненіи умовъ въ Чехіи по поводу наступательствъ противъ Гуса, его узничества и сожженія въ Констанцѣ, и проч.; наконецъ прибавлено д) нѣсколько статей, касающихся нѣкоторыхъ предшественниковъ Гуса, катехизисъ, кажется, самого Гуса, отрывки изъ чешскихъ его сочиненій, служащихъ къ его характеристикѣ, и, наконецъ, нѣкоторыя лѣтописныя записки. Чешскіе документы снабжены латинскимъ переводомъ, такъ что сборникъ сдѣлался доступенъ всему ученому міру.

6. *Историческіе акты о гуситской войнѣ*. Въ Архивѣ чешскомъ

напечатаны лишь акты, писанные на чешскомъ языкѣ; акты, писанные по латинѣ и по нѣмецки, и собранные Палацкимъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, издалъ онъ особо въ сборникѣ: *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419—1436* (съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ актовъ 1437 года), Prag 1872—73, 2 vol., p. 655,547); въ сборникѣ помѣщены и краткіе речесты чешскихъ документовъ 1419—1437 гг., такъ что онъ содержитъ 1059 нумеровъ. Эта публикація прилегается къ предыдущей. Въ нее вошли и нѣкоторые документы изъ другихъ печатныхъ изданій, напримѣръ, изъ канцеляріи Ціолка (изд. Каро), изъ силезскихъ грамотъ (изд. Грюнгагена) и пр.; но бѣльшая часть почерпнута изъ разныхъ рукописей. Собранные здѣсь документы важны не только для чешской исторіи того времени, но и для исторіи другихъ соедѣнныхъ странъ, особенно для Польши и Литвы; документы, взятые изъ пражскаго *Codex Ptemyslaeus* и друг., объясняютъ многія событія и личности въ Польшѣ и Литвѣ,—короля Владислава, Витовта, князя „русскаго“ (herzog von Reussen) Сигизмунда Корибутовича и другихъ. Такъ напримѣръ, изъ одного документа узнаемъ, что галицкіе Русскіе не только отказывались воевать съ „еретиками“ чешскими, но еще снѣпили сами къ нимъ на помощь.

7. *Акты о царствованіи Юлія Подѣбрадскаго*. Сборникъ, въ томъ же родѣ какъ предыдущій; здѣсь изданы документы на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, числомъ 535; чешскіе документы того времени напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Желательно, чтобъ издано было еще собраніе такихъ же документовъ 1437—1450 гг. и 1471—1526 гг., параллельно съ публикаціей Архива чешскаго.

8. Въ сборникѣ, изданномъ Вѣнскою академіей: *Concilium Basilense* (1857, *Monumenta conciliorum generalium seculi XV*, tom. I), Палацкій помѣстилъ три важныя сочиненія, касающіяся чешскихъ дѣлъ на Вазельскомъ соборѣ, открытыя имъ по бѣльшей части въ 1849 году въ Базелѣ и Парижѣ, именно: два трактата одного изъ главныхъ дѣятелей на этомъ соборѣ, югославянина Іоанна *Стойковича* изъ Дубровника, „доктора славянскаго“, какъ его называли Чехи (*Initium et prosecutio Basil. concilii, tractatus, quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae*), и дневникъ гуситскаго священника *Петра Жатсцака* о чешскихъ дѣлахъ на упомянутомъ соборѣ (*Liber diurnus de gestis Bohemorum in concilio Basil.*).

9. Кромѣ этихъ обширныхъ сборниковъ, Палацкій издалъ и другіе памятники, писанные по чешски, въ журналѣ Чешскаго музея,

напримѣръ, дневникъ чешскаго посольства отъ короля Юрія къ королю французскому 1464 г., собраніе чешскихъ пословицъ пана Смилы Флашки около 1400 года, военные порядки Гайка 1413 г. и Волчка изъ Ченова около 1490 года, промеморію королю Юрію объ улучшеніи торговли въ Чехіи около 1463 г., Брезана краткую хронику рода Розенбергскаго, 1609 г., записки Корки, Дачицкаго, Жеротина XVI и начала XVII вѣка, чешскія письма литовскаго князя Швитригайла, важное стихотвореніе 1424 года о тогдашнихъ религіозныхъ спорахъ въ Чехіи, инструкціи пана Гриспека его чиновникамъ и крестьянамъ 1588 г., отрывки изъ книгъ Оомы Шитнаго и пр.

Наконецъ Палацкій же далъ толчекъ къ разнымъ изданіямъ, предпринятымъ другими лицами. Такъ, онъ задумалъ планъ важной выборки изъ древнечешской литературы (*Výbor z literatury české*), изданной Юнгманномъ и Эрбеномъ; онъ снабдилъ изданіе Викторина Корнелія изъ Вшегордъ о правахъ чешскихъ своимъ введеніемъ.

Пятидесятилѣтняя дѣятельность Палацкаго, какъ собирателя и издателя памятниковъ по чешской исторіи, по истинѣ громадн. Большая часть издаваемыхъ памятниковъ списана имъ собственноручно, и авторъ этихъ строкъ, часто разсматривая рукописный дипломаторій въ чешскомъ музеѣ, былъ поражаемъ неутомимымъ трудомъ славнаго историка, который, при многочисленныхъ и разнообразныхъ своихъ работахъ, успѣлъ самъ переписать нѣсколько тысячъ документовъ. То, что въ другихъ странахъ исполняютъ академіи и ученныя общества, при щедрой помощи правительствъ, совершилъ у Чеховъ одинъ человекъ своимъ неутомимымъ, безмѣрнымъ трудолюбіемъ, съ малою матерьяльною помощію чешскихъ чиновъ.

III. Палацкій, какъ исторіографъ.

Задумавъ изобразить исторію чешскую съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, Палацкій засталъ этотъ предметъ, такъ сказать, не обработаннымъ; нѣсколько статей Добнера, Пельцеля, Добровскаго, Мейнерта, Миллаура и другихъ было все, что онъ нашелъ. Поэтому на его долю достался тяжелый трудъ приступить къ осуществленію своего плана не на основаніи многочисленныхъ монографій своихъ предшественниковъ, а самому проложить себѣ путь на всемъ полѣ чешской исторіи и объяснять разныя ея части отдѣльными монографіями.

Первымъ дѣломъ Палацкаго было, разумѣется, основательное знакомство съ *источниками* чешской исторіи, начиная съ лѣтописей.

Въ 1826 году ученое общество пражское устроило конкурсъ на „оцѣнку чешскихъ лѣтописцевъ съ древнѣйшихъ временъ до Гайка (1541 г.)“. Общество получило только одинъ трудъ, но признало его достойнымъ „увѣнчанія“. Этотъ трудъ — сочиненіе Палацкаго: *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber* (Prag. 1830, pag. 308). Съ полнымъ знаніемъ предмета и съ строгимъ критическимъ взглядомъ разбираетъ здѣсь Палацкій сочиненія лицъ, писавшихъ о чешской исторіи, даетъ ихъ біографіи и свѣдѣнія о рукописяхъ и изданіяхъ ихъ трудовъ. Разобраны здѣсь Косма и его продолжатели, монахи Сазовскій и Опатовицкій, Викентій, Герлахъ, такъ-называемый Далимиль, Петръ Збраславскій, Францискъ, Неплахъ, Мариньола, Пулкава, Бенешъ Крабица, Лаврентій изъ Брезовой, Бартошекъ, Эней Сильвій, анонимные лѣтописцы XV вѣка, Бартошъ Пражскій, Кутень, Гаекъ; кромѣ того разобраны нѣкоторые легенды и другіе, менѣе значительные, писатели. Книга Палацкаго считается до сихъ поръ главною по этому предмету; нѣкоторые пробѣлы и недостатки своего труда Палацкій пополнялъ въ разныхъ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, самъ отыскивалъ новые источники, или оцѣнивалъ вновь найденные. Такъ въ послѣдствіи писалъ ошъ болѣе обширно о Пуллавѣ и Гайкѣ, нагубное значеніе и вліяніе котораго въ чешской исторіи объяснено Палацкимъ какъ слѣдуетъ, говорилъ о писателяхъ гуситскихъ временъ, Пестрѣ изъ Младеновицъ, Лаврентіѣ изъ Брезовой, Прибрамѣ, Николаѣ изъ Пельгримова и другихъ; объ иностранныхъ авторахъ, писавшихъ о чешской исторіи, о франкскомъ лѣтописцѣ VII вѣка Фредегарѣ, объ Стойковичѣ и Карлеріѣ, писавшихъ о Базельскомъ соборѣ, о Лужичанинѣ Скультетѣ († 1614 г.), о Силезійцахъ XV вѣка Эшендѣрѣ и Ионсдорфѣ.

Сюда принадлежатъ тоже критическія изслѣдованія о двухъ важныхъ источникахъ древнѣйшей исторіи чешской, о *славянскомъ жизнеописаніи св. Вячеслава* (1834 г.), и о древнихъ *грамотахъ Лютомѣрицкой церкви* (1836 г.). Славянская легенда о св. Вячеславѣ, открытая въ 1830 году Востоковымъ, значительно дополняетъ латинскія легенды объ этомъ чешскомъ князѣ, разобранныя уже Добровскимъ, и даже еще превосходитъ ихъ. Палацкій, съ помощію Шафарика, доказалъ, что легенда написана на церковно-славянскомъ языкѣ, судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ чехизмамъ — Чехомъ, еще въ X вѣкѣ. Въ критическомъ разборѣ Лютомѣрицкихъ грамотъ ошъ указалъ, что жалованная грамота, относимая къ XI вѣку, написана, на основаніи древнихъ грамотъ, въ XIII вѣкѣ. Въ латинской грамотѣ встрѣ-

чаются нѣкоторыя чешскія фразы и слова; интересны старинныя особенности въ названіяхъ жалованныхъ сель съ окончаніемъ *as* (Tropovás, Vgrás и друг., вмѣсто Tropovanech, Vgranech),—форма, которая и для Добровскаго осталась темною и которую объяснилъ только Палацкій. Чешскія слова и фразы этой грамоты, впрочемъ, объяснены тоже въ вышеупомянутыхъ *Älteste Denkmäler*.

Другія монографіи Палацкаго, писанныя по чешски и по нѣмецки, касаются разныхъ сторонъ чешской исторіи, политической и внутренней. Къ первому разряду принадлежатъ статьи (1831 г.) о *Завиши Витковичъ*, противникѣ несчастнаго короля Премысла II Отакара и любимцѣ его вдовы, русской княжны Купигунды; статьи (1841 г.) объ отцѣ Купигунды, русскомъ князѣ Ростиславѣ Михайловичѣ, впослѣдствіи угорскомъ банѣ въ Мачвѣ, лицѣ до тѣхъ поръ мало извѣстномъ и объясненномъ, съ помощью угорскихъ и русскихъ источниковъ, только Палацкимъ; критическій разборъ (1841 г.) всѣхъ свидѣтельствъ о *наездѣ Монголовъ* въ среднюю Европу и о побѣдѣ Чеховъ надъ ними подъ Оломуцомъ; опроверженіе разказа лѣтописцевъ и историковъ о такъ-называемомъ кровавомъ сеймѣ Вилемовскомъ, бывшемъ будто бы во время короля Вячеслава (1843 г.); статьи (1827 г.) объ избраніи короля чешскаго въ 1440 году и о завоеваніи Праги Юріемъ Подѣбрадскимъ въ 1448 году; критическій разборъ (1856 г.) свидѣтельствъ о смерти короля Ладислава и очищеніе Юрія Подѣбрадскаго отъ подозрѣнія въ его отравленіи; генеалогія (1861 г.) нановъ изъ Цимбурга и проч. Занимаясь гуситскимъ періодомъ, Палацкій уже въ 1828 году обратилъ вниманіе на публики на мало-извѣстное до того времени военное искусство Чеховъ въ XV вѣкѣ, которое распространилось на востокъ и юговостокъ Европы.

Особенно важны по исторіи гуситизма двѣ статьи Палацкаго: о *предшественникахъ гуситизма* въ Чехіи (1842 г.) и объ отношеніяхъ *Вальденцевъ къ зуситамъ* (1868 г.). Въ первой статьѣ, на основаніи разныхъ неизданныхъ документовъ, разказывается дѣятельность знаменитыхъ проповѣдниковъ пражскихъ во время Карла IV, нѣмецкаго — *Конрада изъ Вальдгаузена* и чешскаго — *Милича изъ Кромъжери*; авторъ объясняетъ интересную личность ученика Милича, *Матюня изъ Янова*, поборника причащенія подъ обоими видами, и сообщаетъ отрывки изъ его обширнаго, до того времени неизданнаго сочиненія *Regulae veteris et novi Testamenti*; наконецъ говоритъ объ *Юаннѣ изъ Щекна*. Эту статью не дозволено было напечатать и она сдѣлалась извѣстною только позже, въ 1846 году, въ нѣмецкомъ пе-

реводъ Иордана, который, съ позволенія Палацкаго, издалъ ее въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen*. Эта статья была началомъ задуманнаго Палацкимъ обширнаго труда „Ученіе Чехи и Мораване XIV и XV вѣковъ“; но невзгода постигшая ее отняла у автора охоту къ дальнѣйшей работѣ. Замѣчательна и другая статья — „о сношеніяхъ и объ отношеніи секты Вальденской къ давнимъ сектамъ чешскимъ“. Палацкій указываетъ на то, что въ Чехіи были и до гуситскаго движенія разные еретики, Катары и Вальденцы, но что послѣдніе были поглощены въ новомъ религіозномъ движеніи; что романскіе Вальденцы приняли по большей части ученіе радикальныхъ гуситовъ, именно Таборитовъ; единство же чешскихъ братьевъ, хотя и знало Вальденцевъ, но развилось самостоятельно и во многомъ отличалось отъ нихъ, и уже само, подобно Таборитамъ, имѣло значительное вліяніе на установленіе ученія Вальденцевъ.

Разныя части чешской исторіи Палацкій объясняетъ и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ нѣмецкихъ историковъ-памфлетистовъ, Гёфлера и его сподвижниковъ, осыпающихъ Палацкаго и чешскую исторію разною бранью (*Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler 1868, Zur böhmischen Geschichtschreibung 1871*). Здѣсь опъ подробнѣе объясняетъ, напримѣръ, королевскій титулъ чешскаго князя Вратислава (1086 г.), гибель татарскаго князя подъ Оломуцомъ (1241 г.), чешскихъ еретиковъ 1244 года, отношеніе Гуса къ нѣмцамъ, пропускное письмо императора Сигизмунда Гусу, учителей гуситовъ, гуситскія войны, компактаты и проч.

Результатомъ занятій Палацкаго историческими памятниками былъ, правда, сухой, но очень важный трудъ: это—синхронистическія *таблицы всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ* королевства чешскаго съ древнѣйшихъ временъ до 1832 года (*Přehled současný nejvyšších důstojníků a úředníků zemských a dvorských v Království Českém, v Praze, 1832*). Нѣкоторыя дополненія, касающіяся древнѣйшаго періода (до половины XIII вѣка) изданы позднѣе въ прибавленіяхъ ко 2-й части 1-го тома чешской исторіи.

Статьи Палацкаго по *внутренней исторіи чешской*, то-есть, по древнечешскому государственному устройству и праву, важны особенно потому, что славный историкъ вступилъ здѣсь на совсѣмъ невоздѣланное поле, еще не тропутое его предшественниками и что опъ своими изслѣдованіями далъ толчекъ къ серьезному изученію древнечешскаго права въ сравненіи съ славянскимъ, и указалъ путь

славянскимъ юристамъ. Важность изслѣдованій по чешскому праву Палацкій понималъ рано и старался собрать и изучить его памятники. Мы уже выше говорили о собирательской дѣятельности Палацкаго по этому предмету. Первая попытка Палацкаго обработать матеріалы относится къ 1831 году. Тогда онъ, на основаніи грамотъ и формулярій XIII вѣка, попытался начертать очеркъ *государственнаго устройства чешскаго* въ XIII вѣкѣ; онъ говоритъ вкратцѣ о сеймахъ, о должностяхъ земскихъ и придворныхъ, о земскихъ доскахъ, о крайскихъ должностяхъ, о вновь строимыхъ тогда городахъ королевскихъ, о королевскихъ доходахъ, о чешской монетѣ и проч. Въ этой статьѣ указано на *судъ присяжныхъ* (пороту) въ Чехіи уже во второй половинѣ XIII вѣка и открытъ первый извѣстный до сихъ поръ древнѣйшій слѣдъ *земскихъ досокъ* къ 1287 году. На доски земскія Палацкій, какъ уже выше сказано, не переставалъ обращать вниманіе во все время своихъ изслѣдованій, печаталъ ихъ отрывки въ „Архивѣ чешскомъ“ и еще въ 1863 году, въ особой статьѣ, говорилъ о ихъ необычайной важности для чешской исторіи, о необходимости собрать всѣ уцѣлѣвшіе ихъ остатки. Этотъ трудъ, какъ мы уже замѣтили выше, принялъ на себя д-ръ Эмлеръ. Какъ бы продолженіемъ статьи о государственномъ устройствѣ чешскомъ XIII вѣка служатъ двѣ статьи по *древнечешскому праву и судебному порядку* (1835 г.) и по *праву древнеславянскому* (1837 г., повторено и въ Исторіи чешскаго народа, томъ I-й, часть 2-я). Въ первой статьѣ Палацкій старался хотя немного пополнить пробѣлы въ изученіи древнечешскаго права и исправить ошибки и промахи Мацѣвскаго въ его „Исторіи славянскаго права“, побуждаемый къ тому самимъ Мацѣвскимъ. Палацкій уже зналъ всѣ до него изданные источники древнечешскаго права, книгу Розенбергскую, *Majestas Carolina*, Судебный порядокъ, объясненіе чешскаго права Андреемъ изъ Дубой, книгу Викторина изъ Вшегордъ. На основаніи тѣхъ и другихъ памятниковъ, досокъ и грамотъ, объясняетъ онъ древнечешское и вообще древнеславянское устройство жупское или городовое, значеніе жупницъ чиновниковъ, жупана, коморника, судьи, писаря, и паденіе жупнаго устройства въ концѣ XIII и въ началѣ XIV-го вѣка; онъ подробно говоритъ о доскахъ земскихъ, земскомъ судѣ и кметяхъ (наивысшихъ судьяхъ), о древнихъ жунахъ и позднѣйшихъ краяхъ (уѣздахъ).

Статья „Право древнеславянское или сравненіе законовъ царя сербскаго Стефана Душана съ древнѣйшими учрежденіями земскими

въ Чехіи“ произвела заслуженное впечатлѣніе въ ученое славянское міръ (она переведена на языки русскій и сербскій), и сохранила свою важность до сихъ поръ. Съ помощію Шафарика, доставившаго законъ Стефана Душана и другіе памятники, и разныя свѣдѣнія о древней Сербіи, Палацкій выступилъ на путь *сравнительнаго изученія древнеславянскихъ учреждений* и указалъ на ихъ поразительное сходство у Чеховъ, Поляковъ, Югославянъ и Русскихъ, какъ оно является въ разныхъ памятникахъ; такими явленіями были—круговая порука, глава, вражда или вира, сводъ, лице; устройство судовъ у Чеховъ и Сербовъ, судъ присяжныхъ и суды Божіи у обоихъ народовъ, наследственное право, дѣдины или бащины, земскія работы, положеніе крестьянъ и проч. Результаты, добытые Палацкимъ, еще подробнѣе объяснены и дополнены позднѣйшими изслѣдованіями славянскихъ историковъ и юристовъ; но сама статья останется почетнымъ памятникомъ чешскому историку, который уже въ 1837 году вникъ въ духъ славянскаго права глубже и основательнѣе, чѣмъ всѣ его современники.

Рядомъ съ трудами по исторіи и праву чешскому Палацкій занимался также древнею чешскою *топографіей*. Бѣдствіями гуситской и тридцатилѣтней войнъ уничтожено множество чешскихъ селеній, укрѣпленій и простыхъ сель, мѣстоположеніе которыхъ неизвѣстно; кромѣ того, вслѣдствіе усилившейся гермапизаціи, многія чешскія селенія опѣмечились, и что касается жителей, и что касается названій; такъ, напримѣръ, изъ древнечешскаго „Модлибоги“ Нѣмцы сдѣлали свой *Nudelbaum*, изъ „Непомышля“—*Pomeisl*, изъ „Убиславичи“—*Auslauf*, изъ „Устье“—*Aussig*, изъ „Болеславля“—*Bunzlau*, и проч. Размноженіе нѣмецкаго народонаселенія въ окраинахъ чешскихъ, начинающееся съ половины XIII вѣка, со времевъ нѣмецкой колонизаціи, нѣкоторые нѣмецкіе историки объясняли остатками будто бы полумиѣчскаго племени Маркоманъ, слѣдовательно, считали Нѣмцевъ автохтонами въ Чехіи, славянскихъ же Чеховъ—новыми пришлецами. Соображая всѣ эти обстоятельства, Палацкій предпринялъ въ 1845 году обширный трудъ, на основаніи разныхъ документовъ, грамотъ, каталоговъ епархій, досокъ и пр. отыскать исчезнувшія селенія и возстановить ихъ первоначальныя славянскія названія, съ цѣлью представить полную древнечешскую топографію. Но этотъ многолѣтній трудъ не доведенъ до конца по внѣшнимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ; сохранились только его отрывки; изъ нихъ видно, что мѣстныя названія въ опѣмеченныхъ краяхъ,

Жатецкомъ и Литомѣрицкомъ, — славянскаго, а не нѣмецкаго происхожденія.

Нѣкоторые результаты этихъ занятій, касавшихся древней чешской топографіи и генеалогіи до XIII—XIV вѣковъ, Палацкій помѣстилъ въ прибавленіяхъ ко 2-й части I-го тома своей исторіи. Особенно важны зачатки древней генеалогіи знатныхъ родовъ чешскихъ и моравскихъ, которые съ XVIII вѣка стали принимать по вповъ строившимся замкамъ особыя названія и гербы; съ великимъ трудомъ здѣсь собраны изъ разныхъ документовъ (до начала XIV вѣка) всѣ данныя, относящіяся къ панскимъ родамъ Грабишичей, Витковичей, Гроповичей, Бузичей, Марквартичей, Яповичей, Куничей, Босковичей и многихъ другихъ, которые стали называться потомъ панами изъ Ризенбурга, Розенберга, Лихтенбурга, Газенбурга, Вальдштейна, Коловратъ, Ризенберга, Мартиниць и проч..

Другимъ результатомъ этихъ топографическихъ трудовъ Палацкаго есть подробное описаніе всѣхъ жьсть чешскаго королевства, съ ихъ чешскими и нѣмецкими названіями (*Popis Království českého, v Praze, 1848*). Кроме того, результаты такихъ историко-топографическихъ изслѣдованій видны на многихъ страницахъ главнаго труда Палацкаго—въ его чешской исторіи; укажемъ только на разказъ его о началѣ славнаго города Табора (1420 г.).

Въ 1834 году Палацкій написалъ любопытную статью о числѣ народонаселенія Чехіи прежнихъ временъ. Изъ нея видно, что во второй половинѣ XVI вѣка было въ Чехіи около 3 милліоновъ жителей, въ 1618 году около 4 милл., но во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ страшныхъ бѣдствій 30-тилѣтней войны, только 1½ мил. жителей.

Всѣ эти громадныя разнообразныя работы Палацкаго направлены къ одной цѣли, цѣли его жизни — къ написанію исторіи чешскаго народа.

Когда Палацкій былъ назначенъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ, то ему поручено было (въ 1831 г.) написать чешскую исторію въ 4-хъ или 5-ти томахъ, съ древнѣйшихъ временъ до повѣйшихъ, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Чехіи, которое мы вратѣ начертали выше, нечего было и думать объ изложеніи подобнаго сочиненія на чешскомъ языкѣ. Вышшіи, болѣе образованныя сословія хотя и сохраняли полное сознаніе своей народности, но вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ народность эта тогда находилась, не были въ состояніи читать по-

добную вѣпигу на чешскомъ языкѣ, а для этихъ-то самыхъ сословій Палацкій и долженъ былъ писать ее; простой же народъ довольствовался и восхищался сказочною хроникой Гайка, или хроникой Пабста или, наконецъ, не полною, но лучшею хроникой Пельцеля. Что касается количества 4-хъ или 5-ти томовъ, опредѣленнаго съ начала для всей исторіи чешской, то Палацкій рано убѣдился, что это невозможно, если чешская исторія должна быть изложена хоть нѣсколько полноѣ. Въ четырехъ томахъ, изданныхъ въ 1836—1845 гг. его „Geschichte von Böhmen“, содержится только разказъ съ древнѣйшихъ временъ до начала гуситскихъ волненій, то-есть, до смерти короля Вячеслава IV въ 1419 году.

Если Палацкій по необходимости вынужденъ былъ сначала писать свою исторію на нѣмецкомъ языкѣ, то послѣдствіемъ онъ задумалъ издать ее и *по-чешски*. Къ такой новой обработкѣ его труда побуждало его, кромѣ любви къ собственному языку и народу, еще и то обстоятельство, что онъ вынужденъ былъ часто, такъ сказать, ускорять изданіе томовъ: публика съ нетерпѣніемъ ждала изданія первой лучшей исторіи чешской, и не понимая огромныхъ препятствій, затруднявшихъ историографу болѣе скорое осуществленіе его задачи, торопила его; да къ тому же раздавались еще голоса, будто бы Палацкій нарочно медлитъ, чтобъ долѣе пользоваться жалованьемъ историографа чешскихъ чиновъ. Въ чешскомъ изданіи своей исторіи, Палацкій намѣревался избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ нѣмецкаго изданія и вообще обработать предметъ по болѣе обширному и болѣе удобному плану.

1848 годъ, годъ громадныхъ переворотовъ во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ положеніи Чеховъ, ускорилъ и замѣну нѣмецкаго языка въ историческомъ трудѣ Палацкаго—чешскимъ. Обработку эту Палацкій началъ уже въ Римѣ (1838—1839 гг.) и Ниццѣ (1844—1845 гг.); первый томъ чешскаго изданія, обнимающій древнюю исторію до 1125 года, вышелъ въ началѣ марта 1848 года. Вслѣдствіе наступившихъ потомъ переворотовъ, сдѣлалось Палацкому „морально невозможнымъ“, продолжать свой главный трудъ на чужомъ языкѣ. Съ одной стороны, признанная равноправность нѣмецкаго и чешскаго языковъ не позволяла ему предпочитать чужой родъ своему собственному; съ другой же стороны, брань, посыпавшаяся тогда на Палацкаго отъ всѣхъ писателей нѣмецкихъ, лишила его права трудиться въ средѣ, въ которой чешскій историкъ вращался не съ любовью, да и не по праву. Палацкій рѣшился продолжать по-чешски свою

исторію, начиная съ гуситскаго движенія (1403 г.). Такимъ образомъ, „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и въ Моравіи“ (Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě) Палацкаго — начиная съ 1403 года — есть подлинникъ (1850 г.), и рядомъ съ нимъ выходящій текстъ нѣмецкій — переводъ. Объ этой перемѣнѣ доложилъ Палацкій земскому комитету—какъ въ то время уже назывался бывшій комитетъ чешскихъ чиновъ—который, послѣ долгихъ сопротивленій, долженъ былъ наконецъ дать свое согласіе. Переписка, веденная (1851 г.) по этому поводу Палацкимъ и комитетомъ, которымъ овладѣвала все усиливавшаяся реакція, во многихъ отношеніяхъ довольно интересна. Палацкій, касаясь двухъ вышеприведенныхъ причинъ, по которымъ онъ предпочиталъ писать по-чешски, считаетъ выборъ нѣмецкаго языка для своего сочиненія (1831 г.) дѣломъ второстепеннымъ; назначеніе историографомъ вѣроятно послѣдовало не за тѣмъ, чтобы, съ помощію чешскихъ чиновъ, нѣмецкая литература обогатилась оригинальнымъ сочиненіемъ, а скорѣе за тѣмъ, чтобы чешская историографія была спасена отъ совершеннаго упадка. При новомъ положеніи дѣлъ въ Австріи и въ Чехіи относительно народной равноправности, при усиливающимся развитіи и значеніи чешскаго языка и чешской литературы, справедливо, чтобы и чешская публика могла пользоваться выходящею на земскія деньги книгой по отечественной исторіи. Кромѣ того, не надо забывать, что источники чешской исторіи, начиная съ гуситскаго движенія, писаны преимущественно по-чешски, и что ихъ воспроизведеніе въ самомъ сочиненіи прибавитъ ему больше интереса и живости. Наконецъ, сами Нѣмцы прямо высказывали, что надо писать чешскую исторію скорѣе по-чешски, чѣмъ по-нѣмецки, если авторъ не можетъ стать на нѣмецкую точку зрѣнія; а этого Палацкій, разумѣется, не былъ въ состояніи сдѣлать. „Еслибъ я“, говоритъ онъ, „съ-молоду не взялъ твердаго намѣренія и не считалъ бы цѣлью своей жизни представить когда-нибудь своимъ соплеменникамъ исторію ихъ народа на ихъ отечественномъ языкѣ, то врядъ-ли я сдѣлался бы когда-либо чешскимъ историографомъ“. Комитетъ долженъ былъ согласиться, особенно когда Палацкій нашелъ издателя для своей, по-чешски писанной, исторіи и, кромѣ того, заявилъ, что нѣмецкій переводъ будетъ выходить подъ его контролемъ. Случилось, однако, что одна книга исторіи Палацкаго, именно періодъ царствованія Юрія Подѣбрадскаго, вышла по-чешски раньше, чѣмъ по-нѣмецки (1860 года); комитетъ сдѣлалъ своему историографу выговоръ, требуя отъ него,

часть CLXXVI, отд. 2.

чтобъ его историческій трудъ выходилъ на нѣмецкомъ языкѣ раньше, чѣмъ на чешскомъ, и угрожая, въ противномъ случаѣ, „прекратить пособіе“. Вслѣдствіе новыхъ политическихъ переворотовъ, наступившихъ вскорѣ послѣ того въ Австріи, Палацкій освободился отъ повторенія подобныхъ „выговоровъ“.

Такимъ образомъ завоевалъ Палацкій для своего труда оригинальность чешскаго текста, начиная съ гуситскаго времени, и издалъ, въ теченіи 1850—1867 гг., по-чешски шесть книгъ своего сочиненія (томы III, IV, V, каждый изъ двухъ частей), содержащаго исторію *гуситскаго движенія*, царствованіе *Юрія Подъбрадскаго* и обоихъ чешскихъ *Ягелловичей*, то-есть, періодъ съ 1403 по 1526 годъ. Нѣмецкій текстъ выходилъ одновременно съ чешскимъ. Между тѣмъ Палацкій трудился и надъ редакціей чешскаго текста для періодовъ исторіи, написанныхъ до тѣхъ поръ только по-нѣмецки: въ 1854 году онъ издалъ вторую часть I-го тома (1125—1253 гг.), въ 1874 году— начало первой части II-го тома (1253—1282 гг.). Періодъ, обнимающій 1283—1403 гг. существуетъ пока только еще въ нѣмецкомъ текстѣ; редакціей чешскаго текста этой части исторіи Палацкій занимается въ настоящее время. Чтобы судить о соотношеніи нѣмецкаго и чешскаго текстовъ исторіи Палацкаго до 1403 года, замѣтимъ, что періодъ съ древнѣйшихъ временъ по 1253 годъ считаетъ въ нѣмецкомъ текстѣ 639 страницъ, въ чешскомъ же—906 страницъ, періодъ 1253—1282 гг. въ нѣмецкомъ текстѣ 195, въ чешскомъ—240 страницъ. Кромѣ того, Палацкій издалъ въ 1870—1872 гг. новое дополненное изданіе своей исторіи *гуситскаго* періода (1403—1439 гг.) въ трехъ томахъ; первое изданіе содержитъ 989 страницъ, второе—1125 страницъ.

Когда Палацкій въ 1831 году предпринялъ планъ написать новую чешскую исторію, то уже тогда, предвидя всѣ затрудненія своего предпріятія, онъ отказался точнѣе опредѣлить срокъ, въ который довершить свой трудъ. Эти затрудненія все больше увеличивались, такъ какъ Палацкій вездѣ и повсюду вынужденъ былъ то собирать историческіе матеріалы, то пролагать новый путь почти въ каждой отрасли чешской исторіи; кромѣ того отняла у него время и его политическая дѣятельность 1848—1849 гг., особенно же начиная съ 1860 года. Достигши, между тѣмъ, уже преклонной старости, Палацкій увидѣлъ, что онъ не въ состояніи довести свой историческій трудъ до новѣйшихъ временъ и долженъ остановиться на извѣстномъ періодѣ. Онъ выбралъ 1526 годъ.

Эпоха 1526 года, кромѣ другихъ причинъ, знаменита въ чешской исторіи и потому, что она составляетъ, такъ сказать, рѣзкую грань между двумя періодами относительно сохранившихся источниковъ. Чешскому историку приходится жаловаться на непримѣрное запущеніе всѣхъ письменныхъ памятниковъ періода до 1526 года. Изъ правительственнаго архива не уцѣлѣло никакихъ остатковъ; изъ богатыхъ королевскихъ регистровъ, веденныхъ уже со времени Отакара II, извѣстенъ одинъ только томъ изъ царствованія Карла IV, 1360—1361 гг. (издалъ его Глафей); и одинъ томъ изъ царствованія Владислава 1498—1502 гг. (изданъ недавно Палацкимъ); древнія земскія доски сгорѣли въ 1541 году, и случайно уцѣлѣвшія выписки изъ нихъ не могутъ замѣнить тяжелой потери; архивы чешскихъ прелатуръ, съ тѣхъ поръ какъ духовное сословіе лишено политическихъ правъ, лишены также исторической важности. Въ столицѣ чешскаго государства, въ Прагѣ, уже давно умышленно уничтожены всѣ политическіе акты XV и XVI вѣка; панскіе роды мало заботились о своихъ частныхъ архивахъ, такъ какъ земскія доски вполне удовлетворяли ихъ потребностямъ; исключеніе составляютъ только папы изъ Розенберга, архивъ которыхъ въ Требони вышелъ цѣль изъ всѣхъ погромовъ. Наконецъ, извѣстно больше чѣмъ столѣтнее свирѣпствованіе іезуитскихъ миссіонеровъ, на повалъ истреблявшихъ всѣ древнечешскіе, будто бы еретическіе, памятники. Съ 1526 года положеніе дѣлъ измѣняется. Правительственные архивы, королевскіе регистры, сеймовые и судебные акты, земскія доски, все это сохранилось съ тѣхъ поръ если не вполне, все-таки въ достаточномъ изобиліи; кромѣ того множество матеріаловъ находится въ разныхъ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ. Поэтому, если чешскому историку пришлось бороться до 1526 года съ недостаткомъ нужныхъ источниковъ и извѣстій, настаетъ для него съ этого времени борьба другаго рода, а именно съ ихъ изобиліемъ.

Палацкій, соображалъ всѣ эти обстоятельства, отказался отъ продолженія своего труда, а обратилъ всю свою дѣятельность на дополненіе и усовершенствованіе написанныхъ уже періодовъ. Объ этомъ намѣреніи онъ извѣстилъ земскій комитетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ ему заботиться объ учрежденіи особаго архива земскаго (1862 г.).

До 1848 года рукопись исторіи Палацкаго должна была посылаться въ Вѣну въ главный цензурный комитетъ. Такъ какъ рукопись часто лежала тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, то высшій бургграфъ чешскій, графъ Хотекъ, сдѣлалъ предложеніе, что онъ самъ будетъ цензуро-

вать рукопись въ Прагѣ и сдѣлать пробу въ рукописи, обнимающей періодъ 1061 — 1092 гг. Но въ Вѣнѣ не согласились на это предложеніе и какъ бы въ доказательство того, что графъ Хотекъ дѣйствовалъ не съ надлежащею осмотрительностью, отгѣтили въ рукописи множество неудобныхъ мѣстъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи и Вѣнская цензура отнеслась къ исторіи Палацкаго довольно снисходительно.

Другое дѣло когда Палацкій въ 1843 и 1844 гг. доставилъ рукопись о началахъ *гуситскаго движенія* (1403—1419 гг.). Тутъ, цензоръ, профессоръ теологіи, даже сдѣлалъ предложеніе совершенно прекратить исторію Палацкаго. Но это показалось рѣшающимъ лицамъ слишкомъ строгимъ, такъ что объ этомъ сочли нужнымъ извѣстить самого канцлера Меттерниха. Тотъ рѣшилъ, чтобъ „неподобающія резонированія“ (*missliebige Raisonnements*) вычеркивались, но что автору нельзя запретить разказывать дѣйствительные факты.

Такихъ „неподобающихъ резонированій“ въ рукописи цензура находила довольно много, хотя авторъ, соображаясь съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, псевозможно старался быть очень умѣреннымъ въ своихъ выраженіяхъ. Цензура налегала на то, что чешская исторія вообще, гуситскій же періодъ въ особенности, должна быть такъ изложена, чтобъ католическіе читатели не были введены въ заблужденіе. Цензура вставила въ характеристику Гуса слова „упрямство и непреклонное своенравіе“ (*Hartnäckigkeit, unbilgsamer Eigensinn*); третье качество навязанное Гусу „страсть къ спорамъ и желаніе быть всегда правымъ“ (*Rechthaberei*) осталось, только въ рукописи, а не перешло въ печать. Разказъ о чрезмѣрной испорченности тогдашней іерархіи былъ исключенъ; гуситизмъ долженъ былъ явиться дѣйствіемъ безъ причины, и могъ объясниться лишь разными „дурными“ качествами Гуса.

Разказъ Палацкаго о процессѣ Гуса на Констанцскомъ соборѣ показывается, по мнѣнію цензора, что авторъ хотѣлъ возбудить состраданіе къ осужденному. Цензурѣ не понравились: слово „напизмъ“ (что и было выпущено), сцена между Гусомъ и генераломъ миноритовъ (выпущена), слова Палацкаго, что „мужество Гуса возбудило удивленіе даже у его отъявленныхъ враговъ“ (выпущены), такъ какъ католическая церковь видитъ здѣсь не мужество, а ослѣпленіе и упрямство; слова „король Сигизмундъ не понялъ высшаго значенія Гуса“ (выпущены), описаніе Іеронима въ извѣстномъ письмѣ Поджіо

(осталось съ нѣкоторыми измѣненіями), мысли Палацкаго объ осужденіи Гуса и Иеронима (остались), и пр.

Отвѣты и защита Палацкаго противъ подобныхъ отзывовъ цензуры опять не поправились, и самъ министръ полиціи, графъ Чедлицкій, велѣлъ, чрезъ посредство пражскаго полиціймейстера, сдѣлать Палацкому строгій выговоръ за неприличнѣйшій тонъ его отвѣта (*dem Palacky sei das Unangenehme seiner Schreibart nachdrücklich zu verheben*).

Съ 1848 года ничего подобнаго уже не повторилось, и въ чешскомъ изданіи Палацкій могъ говорить о процессѣ Гуса и Иеронима, какъ подобаетъ историку, безъ всякаго вмѣшательства заботливой о католическихъ читателей цензуры. Счастлива была мысль Палацкаго издать гуситскій періодъ въ 1850—1851 гг.; ибо вскорѣ послѣ того наступившая въ Австріи реакція, вѣроятно, не дозволила бы ему исполнить эту задачу. Такъ какъ гуситская исторія Палацкаго давно уже разошлась тогда въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и жадно читалась всѣми классами чешскаго народа, то въ Вѣнѣ попробовали, по крайней мѣрѣ, парализовать впечатлѣніе, сдѣланное разказомъ Палацкаго на чешскую публику. Извѣстный публицистъ, баронъ *Гельфертъ*, побуждаемый министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Туномъ, издалъ въ пользу благочестивыхъ католиковъ епигу о Гусѣ по-нѣмецки и по-чешски; чешское изданіе вынуждена была принять Матица чешская (1857 г.). Но все напрасно: гуситскій періодъ исторіи Палацкаго вышелъ недавно въ новомъ изданіи, а книга Гельферта давно заброшена и забыта, и множество ея экземпляровъ загромождаетъ до сихъ поръ книжный складъ чешской Матицы.

Познакомимся теперь съ главнымъ трудомъ Палацкаго, съ его „Исторіей чешскаго народа въ Чехіи и въ Моравіи“,—съ этимъ „трудомъ цѣлой жизни, съ этою главною и послѣднею цѣлью всѣхъ его стремленій“.

„Съ-молоду я не зналъ болѣе горячаго и высшаго желанія въ своей жизни,“ говоритъ Палацкій, „какъ только представить любимому своему народу вѣрную картину его прошлаго, въ которой онъ узналъ бы самого себя какъ въ зеркалѣ и помнилъ, въ чемъ онъ нуждается. Уже по этой причинѣ сочиненіе мое должно было быть написано на языкѣ и въ духѣ народномъ и, можетъ быть, я бы вообще никогда не сдѣлался историкомъ, еслибъ съ самаго начала не посвятилъ себя всецѣло служенію чешской литературѣ. Всѣ свои

историческія сочиненія, изданныя до тѣхъ поръ, я считалъ и считаю предварительными студіями, или простымъ подготовленіемъ къ этому труду „Исторіи чешскаго народа“ — главной и послѣдней цѣли всѣхъ моихъ прежнихъ стремленій. Хотя я усердно старался о томъ, чтобы мой трудъ служилъ народу въ пользу, мнѣ же самому въ честь, но все таки съ болью сознаю, что онъ мнѣ удался только очень несовершенно, что онъ недостаточенъ почти на каждой страницѣ; но мнѣ не оставалось другаго выбора, какъ или навсегда отказаться отъ самаго любимаго своего желанія и надежды и, стало быть, вполне прекратить неудовлетворительный этотъ трудъ, или же предложить его народу такимъ, какъ онъ есть. Приступивъ къ своему труду безъ руководителя, безъ помощника и безъ средствъ, я вынужденъ былъ прежде всего обратить вниманіе на заброшенныя до тѣхъ поръ источники нашей исторіи. Я ходилъ по городамъ и краямъ, обильно питался пылью архивовъ и библиотекъ, иногда еще не тронутыхъ, старательно подбиралъ всѣ крошки древнечешской литературы, какъ драгоценныя такъ и малозначущія, самъ все списывал, счастливый, когда въ пеплѣ минувшихъ временъ находилась искра, обѣщающая разсвѣтъ въ темныхъ и забытыхъ сферахъ! Но рѣдко выпадала на мою долю такая утѣха: прибрѣтенная добыча мало соответствовала усилію и нуждамъ изслѣдователя. Наши предки не очень заботились о духовныхъ потребностяхъ своихъ потомковъ, записывали мало и сохраняли еще меньше. Потому и запасъ того, что возможно было собрать въ теченіе многихъ лѣтъ, недостаточенъ для яснаго взгляда на всѣ отрасли темной древности; постоянно еще и напрасно задаетъ себѣ изслѣдователь тысячи вопросовъ во мракѣ минувшихъ вѣковъ, и если тамъ и сямъ мелькаетъ что нибудь, то часто сомнительно, свѣтъ-ли это или же блудящій огонекъ!

„Болѣе кого-либо другаго я уважаю заслуги всѣхъ своихъ предшественниковъ по части чешской исторіи, начиная отъ Космы Пражскаго до Добнера и Пельцеля, и благодарю ихъ за поученіе въ ихъ трудахъ: но не правъ-ли я, говоря, что всѣ они даже издали не удовлетворили требованіямъ настоящей исторіографіи? Доставленные ими извѣстія, въ сравненіи съ безчисленными историческими явленіями, очень бѣдны и недостаточны даже для составленія полного перечня простыхъ фактовъ и, такъ сказать, грубыхъ событій въ отечествѣ; на духъ же, изъ котораго исторія происходила, на идеи, которыя въ нихъ являлись, на многообразное государственное устройство, на перемены отношеній и нравовъ въ народѣ, на формы, въ которыхъ

вращалась общественная жизнь, — на такія и подобныя тому вещи у насъ въ давнія времена не обращали почти никакого вниманія, да и въ новѣйшій вѣкъ нельзя было ими заниматься, пока источники нашей исторіи не вполне собраны и не всесторонне изслѣдованы; а если кто и приступилъ къ подобной задачѣ на основаніи басней Гайка, то выходило еще хуже.

„При такомъ положеніи дѣлъ требовать, чтобъ я сейчасъ всему удовлетворилъ и одинъ, съ-разу, такъ сказать, нанесъ и подготовилъ себѣ почву, посадилъ и выростилъ зерна, подготовилъ ихъ разцвѣтъ и вывелъ зрѣлые плоды, это, думаю, ужъ слишкомъ много для такихъ слабыхъ силъ, какія я въ себѣ чувствую. Кто занимался изслѣдованіемъ нашей древности, тотъ навѣрно испыталъ, что каждый ея отдѣлъ требуетъ цѣлаго человѣка и цѣлой его жизни: какъ же мнѣ одному овладѣть ими всѣми? Поэтому, если послѣ меня болѣе счастливые изслѣдователи найдутъ, что я, говоря о древнихъ порядкахъ и беспорядкахъ, оставался ипогда какъ будто только на поверхности и не вникалъ въ самую суть вопроса,—то я только буду жалѣть, что они меня не предупредили и не поучили. Но надѣюсь съ ихъ стороны на безпристрастное свидѣтельство, что если и не вездѣ уловилъ я правду, то, по крайней мѣрѣ, старался вездѣ ее отыскивать усердно и искренно.

„Старые Чехи, народъ малочисленный, попытались когда-то одни, можетъ быть преждевременно, разрѣшить великую задачу: освободить человѣческой духъ изъ подъ средневѣковаго авторитета, или добыть себѣ право свободнаго изслѣдованія и убѣжденія въ дѣлахъ вѣры и религіи. Поэтому имъ пришлось два раза поднять великую и рѣшительную борьбу, какой свѣтъ не видалъ до тѣхъ поръ: *борьбу за интересы и достояніе человеческого духа*. На первый разъ, въ такъ называемой гуситской войнѣ, Чехамъ удалось почти чудеснымъ образомъ побѣдить и одолѣть все остальное христіанство и принудить его къ признанію правъ другаго убѣжденія: но народы возненавидѣли за то чешское имя. Въ другой разъ, въ тридцатилѣтней войнѣ, хотя Чехи приобрѣли себѣ союзниковъ, были побѣждены и замучены такъ, что три четвертыхъ народа погибли и исчезли въ неслыханныхъ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ, одна же оставшаяся четверть уцѣлѣла только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ она не только отреклась отъ стремленій предковъ, но и осудила ихъ. Съ тѣхъ поръ одержало верхъ мнѣніе, что вся чешская исторія XV и XVI вѣковъ была—заблужденіемъ, о которомъ слѣдуетъ жалѣть и стыдиться его. Всеобщимъ и безжало-

стная реакція захватила всѣ памятники духовной жизни той эпохи; сочиненія, отъ нея оставшіяся, считались опаснымъ ядомъ и поэтому разъяскивались и истреблялись сплошь въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго вѣка; то, что случайно не подверглось свирѣпому фанатизму, пропало, благодаря безумію и превратному ревнудшію потомковъ. Когда преобладала мысль, что лучше утопить тѣ событія въ морѣ забвенія, чѣмъ нарушать ими глубокое спокойствіе повдѣйшаго вѣка, то не мудрено, что самая заботливость и спросъ на нихъ навлекали подозрѣнія въ неблагонамѣренности. Какъ при такомъ положеніи дѣлъ могли прусиѣвать изслѣдованія по чешской исторіи—не нужно излагать подробно.

„Принявъ на себя задачу чешской исторіографіи, я хотя и не былъ повичкомъ на этой почвѣ, все таки не могъ предвидѣть всѣхъ препятствій и затрудненій, которыя меня ожидали. Нашъ народъ, конечно, и во время глубочайшаго своего упадка, не переставалъ жаждалъ своей исторіи, обращая на нее глаза, какъ на священный якорь при угрожавшемъ потопленіи. По этой причинѣ всегда были патріоты, которые охотно и съ любовью занимались чешскою исторіей; но, при строгости цензуры, они вынуждены были выбирать себѣ предметомъ только отдѣльные вѣка и явленія, всего менѣе предосудительныя (съ точки зрѣнія тогдашнихъ властей, свѣтскихъ и церковныхъ), или проводить направленіе, которое а priori осуждало почти всѣ давнія желанія и стремленія народа. Извѣстно, какія неприятели испыталъ на этомъ пути, на примѣръ., самъ патріотическій іезуитъ Богуславъ Бальбинъ. Въ теченіе минувшаго вѣка отличились заслугами по чешской исторіи, особенно древнѣйшаго періода, Добнеръ, Пельцель и Добровскій. Это я признаю и прославляю съ тѣмъ болѣею благодарностію, чѣмъ болѣе они мнѣ облегчили, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мои задачи. Но вообще, когда я впервые предпринялъ свой трудъ, не былъ еще подготовленъ матеріалъ, безъ котораго исторія никакъ не можетъ обойтись, если она хоть мало мальски должна удовлетворять требованіямъ нашего времени. Дѣйствительныхъ и настоящихъ источниковъ сохранилось слишкомъ мало; древніе письменные памятники, которые избѣжали погрома минувшихъ вѣковъ, лежали по большей части еще скрытыми и незамѣченными въ домашнихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ; дипломатарію чешскому только старательностію Пельцеля сдѣлано очень незначительное начало. Даже и для древнѣйшаго до-гуситскаго періода, хотя онъ относительно былъ лучше всего обработанъ, недоставало пужной

научной основы, и я былъ вынужденъ провести нѣсколько лѣтъ, только надъ студіями древней чешской топографіи, жупнаго устройства и проч. Въ періоды гуситскій и послѣдующіе часто приходилось мнѣ жаловаться на недостатокъ данныхъ и на отрывочность нашихъ свѣдѣній о самыхъ важныхъ событіяхъ, такъ какъ бѣдность источниковъ, въ особенности домашнихъ, увеличивалась равномѣрно съ важностью и интересомъ самыхъ историческихъ явленій. Нельзя, конечно, обвинять старыхъ Чеховъ, что они оставили намъ послѣ себя мало памятниковъ, ибо я знаю, что эти памятники долго, да отчасти еще и въ мое время, были громадно и умышленно истребляемы.

„Больше всего времени отняло у меня отыскиваніе и собраніе уцѣлѣвшихъ тамъ и сямъ древнихъ источниковъ, строительнаго матеріала, разбросаннаго во всѣхъ концахъ міра. Само строеніе, не смотря на весь тяжелый трудъ, доставляетъ все-таки больше удовольствій, хотя строитель знаетъ, что не смотря на всю старательность, изъ-за бѣдности матеріала, онъ не будетъ въ состояніи совершить ничего, ни великаго, ни виднаго.

„Въ своемъ трудѣ я желалъ соблюсти законы историческаго стиля; но, не говоря уже о своей недостаточности, мнѣ мѣшала еще бѣдность нашихъ источниковъ, которые часто довольно многорѣчивы о незначительныхъ дѣлахъ, а болѣе важныхъ вовсе даже не касаются. Историкъ-художникъ не долженъ строить свободно по своей фантазіи, а только по опредѣленнымъ и достовѣрнымъ даннымъ. Какъ же создать художественное сочиненіе, если для него не достаетъ даже потребнаго матеріала? Многіе рекомендовали мнѣ воспользоваться модой нашего времени, которая учитъ окружать фразами всевѣдущихъ философическихъ системъ всѣ явленія, которымъ не умѣемъ возратить пластическихъ ихъ формъ: но я искренно признаюсь, что мнѣ не по вкусу это непогрѣшимое мечтательство, которое, заходя далеко за границы опыта и осязаемости, гораздо чаще минуетъ исторію, чѣмъ съ нею встрѣчается.

„Пусть мой трудъ послужитъ нашему народу къ самопознанію и къ сознанію того, чѣмъ онъ есть и чѣмъ онъ долженъ быть. Пусть нашъ любимый и всегда тяжело испытываемый народъ скорѣе получитъ вѣрное зеркало своего минувшаго, въ поученіе, память и укрѣпленіе въ своемъ бытѣ, чтобы онъ всегда шелъ по пути правды и права, чтобы онъ не былъ высокомеренъ въ счастья и не падалъ духомъ въ несчастія!“

Такими словами начинается Палацкій свой трудъ, обращаясь къ чешскому народу.

Какъ видно изъ заглавія „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и Моравіи“, Палацкій обнялъ въ своемъ трудѣ судьбы обѣихъ этихъ странъ. „Моя цѣль была всегда не отдѣлять того, что соединилъ Богъ, и не дѣлать преградъ тамъ, гдѣ ихъ отъ природы нѣтъ: ибо я крѣпко убѣжденъ, что я *родомъ Мораванинъ, а народностью — Чехъ*“. Поэтому справедливо замѣчаетъ Палацкій, что основательная исторія чешскаго народа должна равнымъ образомъ относиться къ обѣимъ странамъ, Чехіи и Моравіи, какъ къ двумъ частямъ одного цѣлаго, которыя уже съ IX вѣка находятся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Подъ словомъ „чешскій народъ“ Палацкій понимаетъ Славянъ, живущихъ и въ Чехіи, и въ Моравіи, или скорѣе „на Моравѣ“, главной рѣкѣ той страны.

Исторія чешскаго народа представляетъ во многомъ большой интересъ. Если чешская земля лежитъ въ серединѣ, такъ сказать, въ сердцѣ Европы, то и чешскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ служилъ средоточіемъ, въ которомъ соприкасались разные элементы и принципы новой европейской жизни, національной, государственной и церковной. Именно здѣсь видна долговѣчная борьба и обоюдное прониканіе элементовъ римскаго, нѣмецкаго и славянскаго.

Подлѣ завоевательнаго, плотно сосредоточеннаго подъ одною центральною властью, элемента нѣмецкаго, является элементъ славянскій, къ завоеваніямъ не расположенный, разрозненный, и потому постоянно поддающийся подъ иго иноплеменниковъ. Если Славянинъ не хотѣлъ въ конецъ погибнуть, то онъ долженъ былъ отчасти измѣнить, преобразовать свою патуру и приять долю чуждыхъ элементовъ.

Это мы видимъ особенно у Чеховъ.

Главное содержаніе и основная черта всей исторіи чешскаго народа — *безпрерывное сношеніе и сталкиваніе славянства съ германизмомъ и романизмомъ*; а такъ какъ послѣдній касался Чеховъ только посредствомъ Нѣмцевъ, то можно сказать, что чешская исторія основывается, главнымъ образомъ, на борьбѣ съ нѣмчиной, или на принятій и отрицаній нѣмецкихъ учрежденій Чехами. Правда, и у другихъ славянскихъ племенъ было такое же столкновение обоеихъ элементовъ, но оно либо не было такъ всесторонне и живо, какъ напри- мѣръ, у Поляковъ и у Русскихъ, либо давно окончилось гибелью славянской народности, какъ у Лютичей, Бодричей и друг. Чешскій

народъ одиць, примкнувъ къ нѣмецкому какъ равный къ равному и въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтіе вступивъ съ нимъ въ самыя тѣсныя связи, *отстоялъ свою народность* до сихъ поръ, и хотя много нѣмецкаго принялъ и переработалъ въ свой бытъ, но не пересталъ быть славянскимъ народомъ. И теперь еще осталось его задачей, проистекающею изъ его исторіи и географическаго положенія, служить *мостомъ между нѣмчиной и славянствомъ*, между востокомъ и западомъ Европы вообще.

Эти свои взгляды на нѣмецко-славянскія отношенія Палацкій часто высказывалъ и помимо своей исторіи, особенно въ замѣчательной статьѣ „Разница въ исторіи Нѣмцевъ и Славянъ“ (1868 г.). „Чешская исторія есть та почва, гдѣ издавна сталкиваются другъ съ другомъ сильнѣе всего контрасты германизма и славянства, и гдѣ они всего яснѣе проявляются; все ея содержаніе—безпрестанная борьба нѣмецкаго и славянскаго элементовъ“. Контрастъ обоихъ племенъ выказывается въ самомъ началѣ ихъ исторіи. Нѣмцы, подобно Римлянамъ и азіатскимъ племенамъ, народъ завоевательный, слѣдовательно, первоначально—народъ разбойническій; Славяне, подобно Грекамъ, народъ не завоевательный. У первыхъ, завоевательныхъ племенъ, источникомъ права была сила; у другихъ, не завоевательныхъ, право основывалось на согласной волѣ цѣлаго народа; у первыхъ господствовало болѣе позитивное право, у другихъ—естественное. Римское право, послѣ паденія Рима, подходило и къ германскимъ завоевателямъ. Завоевательный князь-побѣдитель раздѣлялъ плоды побѣды съ своею дружиной; поэтому возникло особое положеніе вассаловъ, разница сословіи, неравенство передъ закономъ, привилегіи, иммунитеты, послабленія однимъ и притѣсненія другихъ. Въ славянскомъ правѣ не преобладало начало силы и завоеванія, не было такъ называемаго права сильного. У древнихъ Славянъ, равно какъ, напримѣръ, въ современной Сербіи, не было политической разницы сословіи и неравенства передъ закономъ, не родились господа и рабы. Общимъ знакомъ первобытныхъ славянскихъ отношеній была *свобода*; германскихъ же — *господство* и его естественное послѣдствіе, *рабство*. Славяне, любя черезъ-чуръ свободу, не подчинялись авторитету центральной власти и вслѣдствіе того пропала ихъ свобода: они сдѣлались жертвой своихъ завоевательныхъ сосѣдей—Нѣмцевъ, Татаръ, Турокъ и другихъ. Славяне вообще, и Чехи въ особенности, если не хотѣли сдѣлаться настоящими „*склавами*“ Нѣмцевъ, рано вынуждены были ограничить свою первобыт-

ную свободу и подчиниться принципу авторитета, праву болѣе сильнаго.

Культура современныхъ христіанскихъ народовъ есть общее благо, надъ осуществленіемъ котораго тысячи лѣтъ трудились разные народы міра; она, какъ ее выработали Евреи и Греки, передана Риму, и преимущественно черезъ его посредство перешла къ остальнымъ народамъ, ромапскимъ, германскимъ и славянскимъ. Нѣмцы, сносясь раньше и ближе съ преемниками этой культуры, опередили Славянъ, конечно, только по этой приведенной причинѣ, а не по какому-нибудь племенному превосходству. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, Славяне не могли добиться продолжительнаго спокойствія, имъ пришлось почти еще цѣлое тысячелѣтіе бороться за свое существованіе съ постоянно появляющимися изъ Азии безчисленными ордами, между тѣмъ какъ Нѣмцы, защищаемые съ тылу спокойными Славянами, не предпринимали другихъ войнъ, кромѣ тѣхъ, которыя возбуждала у нихъ жадность и властолюбіе. Никогда не шли Славяне наступательно противъ Нѣмцевъ; они всегда держались въ оборонѣ и предпринимали только въ крайнемъ случаѣ, уже сильно раздраженные, нѣкоторыя мимолетныя нападенія на нѣмецкой почвѣ, въ отплату и отмщеніе. Но если страшное нѣкогда, азіатское варварство теперь совсѣмъ поражено и навсегда сдѣлано безвреднымъ, то Европа обязана этимъ только Славянамъ; это не маловажная съ ихъ стороны услуга христіанско-европейской цивилизаціи.

„Демократическій, характеръ древнихъ Славянъ еще сорокъ лѣтъ назадъ оспаривался почти всѣми, или же подвергался сомнѣнію. Но съ тѣхъ поръ это сдѣлалось, по крайней мѣрѣ въ Россіи, общимъ, совершенно узаконеннымъ мнѣніемъ, и хотя неволя низшихъ слоевъ тамъ прекратилась только недавно, но въ національномъ русскомъ обществѣ кастовый духъ теперь уже почти совсѣмъ исчезъ, между тѣмъ какъ на западѣ, особенно гдѣ преобладаютъ нѣмецкіе элементы, онъ еще процвѣтаетъ, не смотря на всѣ либеральные законы и фразы“.

„Иронія судьбы! Взгляды на права и отношенія, которыя за тысячу лѣтъ назадъ были общимъ достояніемъ Славянъ и которыя считались варварскими, сегодня составляютъ гордость и цѣль стремлений самыхъ цивилизованныхъ народовъ Запада, а Славянъ чествуютъ полуварварами, потому что воображаютъ себѣ, что они имѣютъ пристрастіе къ учрежденіямъ, которыя, будучи созданы по примѣру За-

пада, еще не болѣе какъ за сто лѣтъ назадъ прославлялись имъ же, какъ убѣжище образованности и справедливости“.

Чешская исторія удобно можетъ быть раздѣлена на *три вѣка*, древній, средній и новый. *Средній* вѣкъ отличается преимущественно религиозными спорами, которые явились съ возникновеніемъ гуситизма въ 1403 году и кончились въ 1627 выселеніемъ всѣхъ его приверженцевъ. Предыдущія времена принадлежать *вѣку древнему*, послѣдующія затѣмъ — *новому*.

Въ *древній* вѣкъ чешской исторіи преобладаютъ интересы по большей части государственные, стремленія государей упрочить свою власть внутри и извнѣ. Вѣкъ этотъ раздѣляется на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ до 895 года, Чехія языческая независимая; второй отъ 895 до 1253 года—Чехія христіанская въ зависимости отъ Германіи, но съ перевѣсомъ славянскихъ учрежденій; третій отъ 1253 до 1403 года—Чехія королевская, соединенная съ Германіей какъ государство равное съ равнымъ, но благопріятствующее въ земскомъ правленіи нѣмецкому элементу.

Въ концѣ V столѣтія по Р. Х. являются на верхней Лабѣ и ея притокахъ, Волтавѣ и Огрѣ, разныя славянскія племена, которые впослѣдствіи принимаютъ названіе *Чеховъ*. Общая опасность со стороны сосѣдей, Нѣмцевъ и Аваровъ, сблизила ихъ въ болѣе тѣсное цѣлое, и уже въ VII вѣкѣ Чехія сдѣлалась ядромъ перваго западославянскаго государства, къ сожалѣнію, мимолетнаго. Со смертію его основателя, Сама, славянскія племена разошлись: центръ тяготѣнія переняли отъ Чеховъ Славяне карпатскіе и моравскіе, и *Великая Моравія* Мойміровичей сдѣлалась ядромъ втораго западославянскаго государства, которое однако въ началѣ X вѣка стало добычей азіатскихъ Мадьяръ. Между тѣмъ чешскія племена сгруппировались около князей пражскихъ рода Премысла, но, послѣ долговѣчныхъ войнъ съ сосѣдними Нѣмцами, должны были примкнуть къ имперіи Римско-нѣмецкой. Чешско-моравскіе Славяне, находясь въ первобытномъ своемъ состояніи, жили въ родовомъ быту, склоняющемся къ демократическимъ учрежденіямъ; на немъ основывалась власть князя,—судьи, правителя, воеводы и жреца народнаго; разница сословій не была такъ рѣзка, какъ у Нѣмцевъ, рабство почти неизвѣстно; лѣхи и владыки были главные земляне, то-есть, землевладѣльцы, и они-то, вмѣстѣ съ княземъ и съ его совѣтомъ, кметями, совѣщались на снѣмахъ объ общественныхъ дѣлахъ; земля раздѣлялась на жуны, средоточіемъ которыхъ былъ градъ (городъ), начальникомъ—прямо жупанъ;

религія основывалась на обожаніи природныхъ силъ. Въ IX вѣкѣ къ Чехамъ и Мораванамъ стала проникать новая религія, христіанство, съ двухъ сторонъ: съ запада, посредствомъ Нѣмцевъ, римско-латинское, съ востока, изъ Царьграда, богослуженіе славянское; послѣднее должно было впоследствии уступить первому. „Если посмотримъ на картину первобытности чешской“, замѣчаетъ Палацкій, „какъ мы ее, хотя не полно и часто не совсѣмъ опредѣленно, нарисовали, но по подлиннымъ и хорошимъ источникамъ, то мы не можемъ не узнать въ ней такого положенія дѣлъ, которое свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ прогрессѣ въ образованности, равно какъ и о томъ, что первобытные Чехи не были такими варварами и полудикарями, какъ о нихъ до сихъ поръ господствуетъ почти всеобщее мнѣніе; но не вели они и такой идиллической жизни, какъ казалось лѣтописцу Гайку и потомъ другимъ. Пускай новѣйшіе нѣмецкіе историки помнятъ, что именно ихъ предки, Эйнгардъ, лѣтописцы Фульдскіе, Видукиндъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, біографы св. Оттона и другіе представили, хотя большею частью по неволѣ, но за то тѣмъ болѣе заслуживающія довѣрія свидѣтельства о раннемъ и многонадежномъ развитіи образованности у первобытныхъ Славянъ. Поэтому только общимъ невѣжествомъ этихъ историковъ должно объяснить, если они проповѣдуютъ о природномъ славянскомъ скотообразіи“.

Нашествіемъ Мадьяръ и паденіемъ Великой Моравіи произведенъ былъ переворотъ въ жизни Славянъ вообще, и западныхъ Славянъ въ особенности. Чехи, именно, должны были вступить съ Римско-нѣмецкою имперіей въ болѣе тѣсныя, политическія и церковныя связи, по при этомъ верховная власть ихъ князей осталась не тронутою, и еще значительно усилилась; чешскіе князья уже въ X вѣкѣ не имѣли соперниковъ въ Чехіи, да скоро распространили свою власть и на сосѣднія племена славянскія — на Моравію, верхней Одрѣ и Вислѣ, и въ Карпатахъ. Но этотъ объемъ Чешскаго государства былъ кратковременный; осуществленіе западославянскаго государства не удалось ни чешскимъ князьямъ, ни польскимъ; только выѣшняя Моравія присоединена къ Чехіи и раздѣляетъ съ тѣхъ поръ судьбу Чешскаго государства и народа. Зависимость чешскихъ князей отъ римскихъ императоровъ усиливалась съ междоусобицами размножившихся членовъ рода Премысла; эти междоусобицы, это добываніе великокняжескаго достоинства, наполняютъ вторую половину XI и цѣлый XII вѣкъ, составляя печальную сторону чешской исторіи того времени. Законъ о родовомъ старшинствѣ не соблюдался чешскими, равно какъ и поль-

скими и русскими князьями. Но, благодаря усиліямъ пѣкоторыхъ энергическихъ князей, единство Чешскаго государства удѣлѣло, а междоусобицы прекратились въ самомъ концѣ XII вѣка, при первомъ наслѣдственномъ королѣ чешскомъ Премыслѣ I Отакарѣ. При немъ точно опредѣлено отношеніе чешскаго короля къ императору, введено первородство, разрѣшенъ споръ между государственною и церковною властью въ пользу первой. Идея государства была упрочена еще больше при сынѣ Премысла, королѣ Вячеславѣ I. Громадныя заслуги приобрѣли себѣ Чехи передъ Европой при Вячеславѣ: ихъ усиліемъ спасена средняя Европа отъ страшнаго нашествія Мопголовъ. Царствованіе короля Вячеслава составляетъ важный предѣлъ въ древней чешской исторіи. „Премыслъ I Отакаръ возобновилъ Чехію въ политическомъ отношеніи, Вячеславъ хотѣлъ преобразовать ее правственпо; тотъ создалъ новыя юридическія отношенія и новыя законы для своего государства, этотъ склонялъ свой народъ къ новымъ правамъ, обычаямъ и развлеченіямъ; если стараніемъ перваго Чехія приобрѣла себѣ политическую независимость относительно Германіи, второй старался присоединить ее къ ней опять связями болѣе пріятными, и слѣдовательно болѣе прочными, спокойнаго сосѣдства, потребностей образованности и роскоши“.

Не смотря на тѣсныя связи Чехіи съ Германіей, начиная съ конца IX вѣка, въ ней сохранились славянскія учрежденія почти ненарушимо до первой половины XIII вѣка. Славянский характеръ поситъ на себѣ жизнь государственная, юридическая, общественная, умственная, сходная съ жизнью другихъ народовъ славянскихъ; имъ проникнуты такія учрежденія, какъ, епископскіе удѣлы, нераздѣльность сословій, равенство всѣхъ передъ закономъ, не существованіе извѣстныхъ привилегій, перевѣсъ жупнаго устройства и соединенныя съ нимъ земскія повинности, особые судебныя порядки и т. д. Такой же славянский характеръ имѣетъ и народная поэзія, сохранившаяся въ Зеленогорской и Краледворской рукописяхъ. Въ этотъ славянский періодъ чешскій народъ не былъ еще раздѣленъ на строго опредѣленныя сословія съ разными политическими правами, не было въ Чехіи и Моравіи особаго сословія городского, хотя оно уже начинало создаваться; разница между шляхтой (лѣхами или панями и владыками) и не шляхтой (дѣдичами, кметями) не была строго опредѣлена, никто не былъ освобожденъ отъ общихъ земскихъ судовъ и повинностей и проч. „Если соберемъ все здѣсь сказанное въ одно“, оканчиваетъ Палацкій этотъ періодъ, „и посмотримъ на

все это какъ на вѣрное зеркало духа и жизни народной, то увидимъ, что, конечно, нельзя прилагать къ упомянутымъ явленіямъ мѣрку созрѣвшей образованности, но, съ другой стороны, что мы были бы не правы передъ своими предками, еслибъ представляли ихъ себѣ варварами или полудикарями, погрязшими только въ звѣрской сторонѣ человѣческаго быта. Чехи и Мораване XII и XIII вѣковъ равнялись въ образованности и благородствѣ духа съ лучшими своими сосѣдами, и превосходили еще многихъ другихъ своимъ примѣромъ“.

При Премыслѣ II Отакарѣ (1253 — 1278) чешское государство вступило въ рядъ первостепенныхъ державъ Европы, и чешская исторія выходитъ изъ предѣловъ исторіи провинціальной, приобретаетъ болѣе обширный объемъ. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ Чехія опять сдѣлалась центромъ великаго государства, которое обнимало Австрію, Штирію, Каринтію и Краину, распространялось въ верхнюю Италію. Рядомъ съ этимъ расширеніемъ границъ чешскаго государства, шли важныя перемены и внутри его: король Премыслъ сдѣлался политическимъ реформаторомъ. Онъ создалъ особое сословіе городское, преимущественно изъ Нѣмцевъ, ограничилъ власть жупановъ и судовъ жупныхъ, подчинивъ ихъ центральнымъ властямъ въ Прагѣ, и вообще строго смотрѣлъ за соблюденіемъ справедливости безъ различія сословій; не менѣе того старался о подъемѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; самъ онъ былъ человѣкъ великодушный и образецъ, процвѣтавшихъ тогда въ западной и средней Европѣ, рыцарскихъ добродѣтелей. Король Премыслъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи чешской народности именно тѣмъ, что онъ, во вновь создаваемые королевскіе города и окранны чешскія и моравскія призвалъ множество Нѣмцевъ, мѣщанъ, промышленниковъ, рудокоповъ, ремесленниковъ и проч. Хотя самъ онъ не принялъ нѣмецкой народности и вмѣстѣ съ женой сохранялъ живое сознаніе „славянское“, именно сознаніе одного происхожденія славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго не смотря на все это, онъ все-таки благоволилъ къ Нѣмцамъ. „Мы не хотимъ, говоритъ Палацкій, и не можемъ его порицать за то, что онъ уничтожалъ древнеславянскія учрежденія въ своей землѣ, которыя въ западной Европѣ не могли долѣе ни процвѣтать, ни сохраняться: иначе онъ долженъ былъ бы противиться имперіи и церкви римской, не находя за то у славянскаго востока ни духовной, ни матеріальной поддержки. Но если взглянемъ на повальное онемеченіе столькихъ городовъ и пограничныхъ жупъ (уѣздовъ), то едвали можемъ освободиться отъ подозрѣ-

ніа, что не столько потребность опоры противъ шляхты, сколько излишняя жадность новыхъ источниковъ обогащенія была виною его опростчивости. Если онъ невольнo нанесъ этимъ своему народу, быть можетъ, роковой ударъ, то пострадалъ за то самъ скорѣе и тяжелѣе. Судьба, по истинѣ трагическая, наказала его тѣмъ, чѣмъ онъ грѣшилъ: ему досталось не только поруганіе, но, наконецъ, и гибель со стороны того же, восиламентѣвшаго національною враждою, элемента, которому въ жизни чрезмѣрно онъ мирвоилъ“. Вслѣдствіе соединенныхъ силъ Германіи, Рима и Угрии и присоединившейся къ нимъ, партіи, недовольной своимъ сильнымъ государемъ, — чешско-моравской шляхты, — онъ упалъ съ высоты и погибъ въ сраженіи на Моравскомъ полѣ. „Король Премисль Отакаръ былъ на всемірномъ поприщѣ, въ числѣ передовыхъ людей исторіи, явленіемъ не только достопамятнымъ, но и гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ думало наше, сбываемое съ толку, общественное мнѣніе. Конечно, дѣйствительнаго величія и славы его не слѣдуетъ мѣрять ни числомъ, ни объемомъ земель, которыя онъ присоединилъ къ своей отчинѣ, ни побѣдами, которыя онъ часто одерживалъ надъ могущественными врагами, ни богатствомъ наконецъ, и придворною роскошью, которою онъ превосходилъ всѣхъ государей своего вѣка: она основывалась больше на рѣдкомъ согласіи отличныхъ качествъ правителя, на возвышенныхъ планахъ и принципахъ относительно политики и права, на мудрости, съ которою онъ преобразовалъ устарѣвшее устройство своего государства по потребностямъ своего времени, создавъ новое политическое сословіе не въ ущербъ до тѣхъ поръ существовавшихъ правъ, — на всеобъемлющемъ и сильномъ духѣ, съ которымъ ясно всматривался во всѣ дѣла и отношенія своего государства, и управлялъ имъ мудро, справедливо и основательно; на усердномъ попеченіи о процвѣтаніи промышленности и торговли, объ образованіи и благосостояніи подданныхъ, наконецъ, особенно на энергіи, съ которою онъ защищалъ право и справедливость противъ многочисленныхъ насильниковъ своего вѣка. Онъ былъ и назывался главнымъ щитомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ своеволія и злодѣяній сильныхъ людей, въ неравной борьбѣ съ которыми ему пришлось пасть. Оба часто несогласные начальники христіанскаго міра, папа и императоръ римскій, каждый для своихъ собственныхъ выгодъ сговорились другъ съ другомъ на его погибель, взявъ въ союзники невѣрность и измѣну, страсти и предвзсудки человѣческіе“.

Разшатанное до самыхъ основъ чешское государство было поднято
часть CLXXVI, отд. 2.

только черезъ нѣсколько лѣтъ молодымъ Вячеславомъ II Премисловичемъ, и вслѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ опять распространено, но на этотъ разъ уже не на югъ, а на востокъ: разрываемаемая внутренними междоусобицами Польша пригласила къ себѣ Вячеслава; нѣкоторое время казалось, что и корона угорская прикинеть ближе къ государству чешскаго и польскаго короля. Но это величіе чешскаго государства было непродолжительно: по смерти короля Вячеслава II (1305 г.) и скоро затѣмъ послѣдующемъ убіеніи молодаго его сына Вячеслава III (1306 г.) — послѣдняго члена рода Премисла — чешское государство ограничилось Чехіей и Моравіей и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, досталось династіи Люксембургской (1310 г.).

Съ воцареніемъ новаго короля, Іоанна Люксембургскаго, Чехія не достигла желасмаго успокоенія. Король Іоаннъ былъ вполнѣ рыцарь-авантюристъ того времени и предпочиталъ болѣе гоняться за приключеніями въ Германіи, Франціи, Угріи, Польшѣ и Литвѣ, чѣмъ заботиться объ устройствѣ своего государства, да нерѣдко онъ находился въ войнѣ и съ своими подданными. Деньги своего государства тратилъ онъ за границей и всѣ коронныя имѣнія отдавалъ въ залогъ за долги. Но за то онъ прославилъ вездѣ въ Европѣ чешское имя и распространилъ граицы чешскаго государства, именно въ Лужицы и Силезію. Сынъ и преемникъ Іоанна, Карлъ (1346—1378 гг.) во многомъ не походилъ на своего отца. „Онъ не наследовалъ ни его достоинствъ, ни его недостатковъ. Рыцарски храбрый, при томъ отчасти тщеславный, Іоаннъ поддавался обыкновенно своему живому, непостоянному, но направленному на все благородное, темпераменту; серьезно, или шутя, онъ предпочиталъ всему оружіе, выискивалъ войны и турниры, гонялся больше за славой, чѣмъ за пріобрѣтеніемъ, издерживалъ болѣе, чѣмъ имѣлъ и умѣлъ больше захватывать, чѣмъ сохранять; онъ хотѣлъ великаго, но слишкомъ часто доходилъ до мелочей, потому что не умѣлъ разчитывать. Его ученый и серьезный сынъ выказывалъ, напротивъ, полнѣйшее самообладаніе во всемъ и руководствовался во всѣхъ запятіяхъ планами и расчетами; хотя онъ тоже, когда это было нужно, храбро сражался, но предпочиталъ путь мирныхъ переговоровъ, велъ въ порядкѣ свое хозяйство, выказывалъ отличный талантъ правителя рядомъ съ незначительнымъ даромъ полководца, и дипломатическимъ искусствомъ пріобрѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо могъ пріобрѣсти оружіемъ. Іоаннъ едва скрывалъ свое малое расположеніе къ народу и землѣ чешской: у Карла же эта любовь, казалось, была единственною его страстью. Іоаннъ

смотрѣлъ на свое государство какъ на вѣчто, доставляющее ему титулъ, деньги и могущество; не заботясь о его будущности, онъ искалъ только, въ ущербъ благосостоянію страны, вытянуть изъ него все, что возможно въ данный моментъ, хотя его значеніе и могущество погибло черезъ это еще скорѣе, чѣмъ благосостояніе народа. Карлъ же дѣйствовалъ такъ, какъ будто земля и народъ вездѣ были его первою и единою цѣлью; убѣжденный, что могущество правителя прежде всего основывается на умствеппомъ развитіи, нравственности и благосостояніи его подданныхъ, онъ дѣйствовалъ сообразно этому и этимъ самымъ укрѣплялъ въ то же время и свое могущество“.

„Карлъ — самый популярный король, какой когда-либо царствовалъ въ Чехіи. При произношеніи его имени согрѣвается еще и теперь каждое чешское сердце и уста переполняются благодарностью и уваженіемъ къ тѣни государя, который въ народной традиціи сталъ представителемъ наивысшаго разцвѣта и благосостоянія своего отечества“. Хотя избранный также въ императоры римско-нѣмецкіе, онъ главное свое попеченіе посвятилъ своему чешскому государству, въ которомъ дѣйствительно могъ царствовать, между тѣмъ какъ при разстроенныхъ отношеніяхъ въ Германіи, это было уже невозможно. Карлъ, принявъ правленіе въ свои руки, выказалъ великолѣпную и обширную дѣятельность. Онъ не стремился къ несбыточнымъ мечтамъ, фантастическимъ теоріямъ, маніямъ чудака; предпринятые имъ подвиги соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ его времени, содѣйствовали благороднѣйшимъ интересамъ человѣчества. Границы и объемъ чешскаго государства Карлъ распространилъ въ Лужицы, Силезію, Бранденбургъ и въ другія сосѣднія нѣмецкія земли, не оружіемъ, а договорами и деньгами. Отношенія чешскаго государства къ Римской имперіи были точно опредѣлены. „Очень вѣроятно, что Карлъ стремился къ возстановленію императорской власти посредствомъ своего дома, изъ Чехіи; еслибъ это удалось, то Германія сдѣлалась бы такою монархіей, какъ Франція, но съ другой стороны исчезла бы чешская народность“.

Замѣчательна дѣятельность Карла внутри его государства: отношенія отдѣльныхъ частей къ чешскому королевству были точно опредѣлены; въ немъ водворено полное спокойствіе и справедливое судопроизводство, въ которое самъ король перѣдко вмѣшивался; онъ былъ, хотя не по праву, но на дѣлѣ, настоящимъ самодержцемъ, хотя и не своевольнымъ тираномъ. Чешскіе вельможи, столь сильные и даже опасные при его предшественникахъ, покорялись его волѣ и управленію;

только не удалось введеніе общаго уложенія для цѣлаго государства. Карлъ, будучи ученѣйшимъ государемъ и однимъ изъ перныхъ ученыхъ своего времени, покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ; его побужденіемъ и съ его помощью занялись нѣкоторые ученые отечественною исторіею, при немъ процвѣтала живопись и скульптура; онъ основалъ въ Прагѣ университетъ. При отсутствіи войны и при всеобщей безопасности процвѣтали торговля, ремесла и другія занятія мирнаго времени, возникали новыя строенія, именно въ столицѣ Чехіи и Германіи, въ Прагѣ.

Споры преемника и сына Карла, короля Вячеслава IV, съ чешскимъ духовенствомъ и панами скоро отодвинулись на второй планъ вслѣдствіе важныхъ волненій, которыя составляютъ предѣлъ древней и средней исторіи чешской.

Во внутреннихъ отношеніяхъ чешскаго государства и народа—съ половины XIII до начала XV вѣка — произошли важныя перемѣны. Различіе сословій упрочилось и сдѣлалось болѣе рѣзкимъ. Чешская шляхта все больше распадалась на два разряда, пановъ и владыкъ или рыцарей; важное мѣсто приобрѣло себѣ новое сословіе городское, первоначально почти исключительно нѣмецкое. Отъ древнихъ дѣдичей или дѣдишниковъ, то-есть, людей-ншляхтичей, лично и вещественно свободныхъ, осталось очень мало; подданные кметы (крестьяне) осѣдлые, по чешскому и нѣмецкому праву, пользовались лично, хотя не вещественною свободой. Древнеславянское жупное устройство совсѣмъ пало вслѣдствіе многочисленныхъ и все больше умножавшихся изытій изъ общаго права, Такимъ образомъ преобразовалась древнеславянская администрація и судопроизводство, развилось особое правленіе земское для учрежденій старыхъ, и особое правленіе придворное для новыхъ учрежденій, возникло нѣсколько судебныхъ мѣстъ и правъ. Кромѣ того, съ половины XIII вѣка распространилось въ Чехіи много чужихъ обычаевъ, особенно же нѣмецкихъ, не только въ государственной, но и въ общественной и литературной жизни. „Если съ одной стороны справедливо, что Чехи, какъ вообще ни одинъ народъ въ мірѣ, не образовались только сами собою и независимо отъ чужаго вліянія, то съ другой стороны видно, что они развились самостоятельно и соотвѣтственно своему собственному духу принятія извнѣ зародыши. Нельзя не возставать противъ издавна распространеннаго у Нѣмцевъ предрасудка, будто цивилизація въ Чехіи началась только черезъ нихъ, то-есть, черезъ нѣмецкія колоніи. Уже при первомъ взглядѣ на древнѣйшія и лучшія произведе-

нія чешской литературы ясно видно, что онѣ написаны въ національномъ славянскомъ, даже анти-нѣмецкомъ духѣ. Въ XIV вѣкѣ, когда Нѣмцы въ городахъ пользовались положительнымъ вліяніемъ, духовный перевѣсъ въ странѣ былъ все-таки не на ихъ, а на сторонѣ природныхъ Чеховъ. Доказательствомъ того служитъ большое количество оставленныхъ Чехами латинскихъ и чешскихъ сочиненій, тогда какъ Нѣмцы не могутъ представить ничего другаго кромѣ, конечно, драгоценнѣйшей Збраславской лѣтописи архимандрита Петра Житавскаго и переводовъ Далимила и Ткадлечеа съ чешскаго на нѣмецкій языкъ. Не видно ли уже изъ этого послѣдняго обстоятельства подтвержденія приведеннаго факта? Но не пужно, конечно, игнорировать и того, что, при разнообразномъ смѣшеніи обоихъ племенъ въ странѣ, чешская восприимчивость и живучесть, съ примѣсю нѣмецкой настойчивости и твердости, приобрѣла себѣ такую многосторонность, которая отличала Чеховъ столько же отъ ихъ соплеменниковъ, сколько и отъ Нѣмцевъ“.

Съ XV столѣтіемъ начинается *средній вѣкъ* чешской исторіи. Главное содержаніе и характеръ его — это споры и борьба церковная, религіозная, которая два раза повела къ кровавымъ и долголѣтнимъ войнамъ: первой, гуситской, которую Чехи и Мораване довершили побѣдоносно; второй — тридцатилѣтней, которую они несчастливо начали и въ которой, на смерть обезсиленные, исчезли со сцены. Партія гуситская или утраквистская въ это время числомъ и силой стояла на первомъ планѣ. Связь чешской короны съ Германіей, вслѣдствіе отреченія короля Вячеслава IV отъ нѣмецкой короны и потомъ вслѣдствіе гуситской войны, ослабла такъ, что заключалась только въ правѣ чешскихъ королей подавать голосъ при выборѣ императора. Власть королевская въ землѣ была слаба, народъ давалъ самъ себѣ законы, чешскій языкъ былъ въ публичной жизни господствующимъ, нѣмецкій элементъ, сопротивлявшійся гуситству, кромѣ Силезіи и Лужиць, глубоко упалъ и почти погибъ. Но съ другой стороны, феодальные нѣмецкіе порядки развивались все больше и больше; разница сословій не только сдѣлалась крѣпче и рѣзче, но между шляхтой и городами возникли долголѣтніе споры и даже кровавыя войны; духовное сословіе въ Чехіи вытѣснено съ политической арены; сельское народонаселеніе, пользовавшееся до тѣхъ поръ личною свободою, поработчено.

Волѣ крупныя явленія средняго вѣка суть: возникновеніе *гуситской войны* (1419 г.) и примиреніе утраквистовъ съ католическою

церковью на Базельскомъ соборѣ; *упадокъ королевской власти* во время долгаго междуцарствія и неудавшееся стремленіе короля Юрія къ ея позстановленію; *распри сословій* и порабощеніе сельскаго народонаселенія при королѣ Владиславѣ; *призваніе Габсбурговъ* на чешскій тронъ (1526 г.) и укрѣпленіе королевской власти на кровавомъ сеймѣ (1547 г.); зачатки новыхъ религіозныхъ споровъ (1602 г.) и возникновеніе *тридцатилѣтней войны* (1618 г.).

Палацкій, какъ извѣстно, не успѣлъ написать исторію всего средняго вѣка, а остановился, по многимъ причинамъ, о которыхъ упомянуто выше, на 1526 году.

Гуситскій періодъ чешской исторіи Палацкаго составляетъ самую блестящую и самую обширную часть его труда (7 томовъ для періода 1403—1526 гг.); и такъ какъ этотъ періодъ, особенно же первая его половина, самый важный въ чешской исторіи, то мы поговоримъ о немъ подробнѣе, чѣмъ о предыдущихъ.

Господствовавшій въ римско-католической церкви расколъ папскій. подкапываніе духовнаго авторитета взаимными атаками обонхъ папъ, свѣтскаго же авторитета—проклятіемъ однимъ папой не признающаго его государя, испорченность іерархіи и духовенства представляли много причинъ къ сомнѣніямъ: были ли тѣ власти руководимы св. Духомъ? Сомнѣнія въ правотѣ признаваемаго до тѣхъ поръ авторитета повели къ отыскиванію новыхъ источниковъ истины, къ Библии—какъ къ слову Божию. Это новое направленіе съ самаго своего начала носитъ характеръ исключительно религіозный, церковный, обратившись противъ папы и іерархіи, а не противъ свѣтской власти, которая въ то время нигдѣ не была абсолютно-монархическою.

Такія сомнѣнія часто являлись въ средневѣковой Европѣ, особенно со стороны разныхъ ересей, Катаровъ и Вальденцевъ, толки которыхъ достигли и Чехіи. „Но то великое движеніе духовное, тѣ бури религіозныя, которыя въ XV вѣкѣ составляютъ главное содержаніе исторіи и существенно измѣнили весь характеръ чешскихъ дѣлъ, происходили не изъ какой-нибудь средневѣковой секты, Вальденской, ни Катарской, а развились изъ собственныхъ зародышей и причинъ, сначала, какъ казалось, незначительныхъ, но пріобрѣтавшихъ себѣ мало-по-малу все болѣе серьезности и важности. Это была идея христіанской жизни въ спорѣ и борьбѣ съ контрастомъ дѣйствительной жизни, которая, не удовлетворяя глубоко благочестиваго сердца старыхъ Чеховъ, вела ихъ все къ новымъ попыткамъ осуществить

ее въ человѣческомъ обществѣ“. Къ тому стремились уже во второй половинѣ XIV вѣка ревностные проповѣдники, Вальдгаузеръ, Миличъ, Матвѣй изъ Янова; къ тому не мало способствовала и кипучая духовная жизнь въ пражскомъ университетѣ, гдѣ, въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ сочиненій, въ то время только что стали извѣстными и книги англійскаго теолога Виклифа.

Къ новому движенію въ духовной жизни присоединилось и другое движеніе, національное, которое направилось противъ многочисленныхъ Нѣмцевъ въ университетѣ и повело со временемъ къ ихъ вытѣсненію не только изъ университета, но почти изъ всей Чехіи.

Во главѣ обоихъ движеній, духовно-религіознаго и національнаго, сталъ магистръ *Іоаннь Гусъ*, въ 1402—1403 гг. ректоръ Пражскаго университета, славный проповѣдникъ Вишелемской часовни. „Менѣе грубый въ рѣчахъ, чѣмъ когда-то Конрадъ Вальдгаузеръ и менѣе мечтательный, чѣмъ Миличъ, онъ не волновалъ слушателей до такой степени, какъ эти его предшественники, но за то дѣйствіе его проповѣдей было болѣе продолжительное. Онъ дѣйствовалъ преимущественно на умъ, наводилъ на размышленіе и, предварительно поучивъ и убѣдивъ, только потомъ уже употреблялъ также трогательныя и проникающія слова. Остроуміе и ясность его мыслей, особенная способность касаться сути дѣла и развить его у всякаго на глазахъ, необыкновенное знаніе книгъ вообще и священнаго писанія въ особенности, энергическая и послѣдовательная защита цѣлой учебной системы — все это давало ему значительный перевѣсъ надъ его товарищами и современниками. Къ этому присоединялась строгая серьезность во всѣхъ дѣйствіяхъ, набожная мысль, живая и твердая вѣра; жизнь, даже по отзывамъ враговъ, безпорочная, нѣжное чувство къ друзьямъ, ревностное стремленіе къ улучшенію народа и къ реформѣ всего, чтó тогда было испорченнаго въ церкви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также чрезвычайная смѣлость, неуступчивость и безпопачность противъ враговъ, бьющее въ глаза желаніе приобрѣсти себѣ народную любовь, честь и славу, но славу такую, апогея которой находится въ мученическомъ вѣнцѣ“.

Такъ характеризуетъ Палацкій знаменитаго реформатора, который за свое смѣлое выступленіе противъ іерархіи заплатилъ смертью, назначенною для еретиковъ. Собравшіеся на соборѣ Констанцскомъ іерархи римской церкви думали, что сожженіемъ Гуса и его друга Іеронима возстановленъ вновь ихъ потрясенный авторитетъ.

Но вышло иначе. Констанцскіе костры произвели огромный по-

жарь, охватившій почти все христіанство. Бѣольшая часть Чеховъ новсе не хотѣла поддаться старому авторитету церкви, и такъ какъ церковь стремилась покорить ихъ силой, или истребить какъ еретиковъ, то они схватились за оружіе. Такимъ образомъ начались страшныя *гуситскія войны*, въ которыхъ воодушевленный чешскій народъ на голову разбивалъ своихъ враговъ, особенно Нѣмцевъ.

Борьба эта приняла двоякій характеръ: вопервыхъ, это была борьба религіозная, борьба за новыя идеи, за убѣжденія противъ притязаній Рима; вовторыхъ, закигѣла старая національная вражда между нѣмецкимъ и чешско-славянскимъ элементомъ, и Чехи хорошо понимали, что вѣковые ихъ враги — „Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ языкъ и какъ поступили съ нимъ на Лабѣ и Одрѣ и выптали его, такъ хотятъ поступить и съ нами и сами занять мѣста выгнанныхъ“. Эта-то національная борьба возобновила мысль о соединеніи Чеховъ съ сосѣднимъ славянскимъ государствомъ, польско-литовско-русскимъ, „мысль соединить всѣ народы *славянскіе* подъ одинъ скипетръ и основать на востокѣ Европы не только могущественное государство славянское, но и устроить въ немъ одну церковь и одно вѣроисповѣданіе, подъ знаменемъ святой чаши; это было, однимъ словомъ, осуществленіе *панславистической* идеи, о которой много толкуется только въ наше время“. Эта-то идея привела въ Чехію, польскихъ и литовско-русскихъ воиновъ, въ томъ числѣ знаменитаго князя Сигизмунда Корибутовича и князя Острожскаго. Она же заставляла Чеховъ XV вѣка искать себѣ нѣсколько разъ короля „славянскаго рода“ и повела, наконецъ, къ воцаренію Ягайловичей на тронѣ чешскомъ ¹⁾.

Хотя грустно смотрѣть на безчисленныя варварства, которыми сопровождалась означенныя войны, все таки надъ этою грустною картиной сверкаетъ утѣшительная заря. „Не проводилъ здѣсь своей гнусной игры подлый эгоизмъ, по дѣло шло о благородныхъ потребностяхъ духа, о моральныхъ, а не матеріальныхъ имуществвахъ, о свободѣ. Гуситскіе вожди не жаждали ни богатства, ни славы, ни могущества и власти: они были всегда и вездѣ готовы пожертвовать не только имущество, но и жизнь, за идеи, за святое дѣло своей совѣсти и народности“.

Первымъ такимъ вождемъ-героемъ является *Іоаннъ Жижка*; онъ

¹⁾ О панславизмѣ во время гуситскаго движенія см. нашу книгу «Славянская взаимность», стр. 139.

понялъ задачу борьбы чешскаго народа и воевалъ „для освобожденія правды закона божьяго, языка чешскаго и *славянскаго*“. Геніальный полководецъ — онъ создалъ новую стратегію, которая сдѣлала Чеховъ первымъ военнымъ народомъ XV вѣка. „Жижка былъ фанатикомъ. Считаая вѣру свою спасительною, онъ не думалъ, чтобы кто-либо могъ быть правъ, не имѣя спасительной вѣры. Онъ желалъ не одного излишка набожныхъ чувствъ, но также эпергіи въ богоугодныхъ дѣйствіяхъ; онъ желалъ набожности, а не ханжества. Подъ вліяніемъ своего фанатизма, онъ немилосердно убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто не жилъ согласно съ нимъ. Больше всего свирѣпствовалъ онъ противъ латишскихъ священниковъ и монаховъ, потому что они, долженствуя быть примѣромъ набожности для народа, были, по его мнѣнію, величайшими грѣшниками и лицежѣрами. Вѣротерпимость и снисхожденіе были неизвѣстныя ему добродѣтели; всякое двоимсліе, равнодушіе и нерѣшительность казались ему мерзостью передъ Господомъ. Онъ хотѣлъ имѣть въ Чехіи только людей искреннихъ, эпергичныхъ и надежныхъ, хотя бы ихъ было и мало. Поэтому онъ также гнушался всякимъ примиреніемъ съ врагами; но если кому-нибудь что-либо обѣщалъ, то старался добросовѣстно исполнить свое слово. Непавидя феодальное панство, онъ не благоприятствовалъ нигдѣ различію сословій. Не любя Нѣмцевъ, онъ примкнулъ тѣмъ сердечнѣе къ славянству, былъ однимъ изъ немногихъ людей того времени, для которыхъ *идея славянская* была побужденіемъ къ дѣйствию. Хотя онъ обладалъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но у него недоставало того духа, которымъ нѣкогда Римляне и Нѣмцы умѣли добывать себѣ и укрѣплять господство надъ народами; онъ былъ и въ этомъ отношеніи Славяниномъ. Чехи, подъ начальствомъ Жижки, умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться побѣдами для политическихъ цѣлей. Жижка былъ искренній фанатикъ, пренебрегавшій всегда личною пользою; онъ не жаждалъ ни имущества, ни власти, ни славы. Побѣдитель въ столькихъ сраженіяхъ и вождь непобѣдиимаго войска, онъ не гонялся за удовольствіями и умеръ такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ сначала“.

У Жижки воспиталось множество полководцевъ, которые, послѣ его смерти, вели Чеховъ къ новымъ и новымъ побѣдамъ. Таковы были попъ Проконій великій, Проконій малый, Чанскъ изъ Санъ, Рогачъ изъ Дубой, попъ Бедрихъ изъ Стражницы, Колла изъ Жампаха.

Движеніе, начатое Гусомъ, не оставовилось на томъ, чему

онъ училъ, а пошло дальше. Послѣ разрушенія признаваемаго до тѣхъ поръ авторитета римской церкви, чешскіе гуситы замѣнили его другимъ—авторитетомъ Библии. Изъ нея они вывели себѣ новый канонъ, извѣстные *четыре артикула* пражскіе и всякій ревностный приверженецъ закона Божьяго ратовалъ за свободу слова Божьяго и за причащеніе подъ обоими видами, противъ свѣтскости духовенства и противъ спусхожденія явнымъ грѣхамъ. Но не всѣ гуситы объясняли себѣ Библию одинаково: одни занимались ею больше чувствомъ, другіе умомъ; одни признавали подлѣ Библии церковную традицію, на сколько она не противилась Библии, другіе ее вполне отвергали. Первые составляли большинство въ народѣ и назывались обыкновенно по главному своему знаку—*чашники* (по чешски *калицники*, калихъ=чаша), или *утраквисты* (*sub utraque, scil. specie*), или, наконецъ, по столицѣ Чехіи — *Пражане*; другіе, меньшинство—*Табориты*, по своей столицѣ, новому городу Табору въ южной Чехіи. Чашники очень мало отличались отъ римской церкви, ихъ ученіе лучше всего видно изъ заключеній синода 1418 г. — и такимъ образомъ получили возможность примириться съ Римомъ на Базельскомъ соборѣ. Между ними были партіи умѣренная, ревностная и крайняя, первая и послѣдняя уступили потомъ средней, ревностнымъ чашникамъ, вождями которыхъ были магистры Яковъ изъ Серебра (*Стрибро* городъ) и Іоаннъ изъ Рокицанъ. Новая идея отразилась и въ политическомъ устройствѣ чешской столицы: Прага, послѣ паденія власти короля Сигизмунда, сдѣлалась теократическою республикой, управляемою вліятельными священниками; верховною властью пользовалась „великая община“, то-есть, совокупность мѣщанъ, ремесленниковъ, поденщиковъ и другихъ, вообще всѣхъ жителей пражскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, которые въ городѣ занимались самостоятельною промышленностью; великая община собиралась на площади и ея приговоры составляли для города законъ, подобно тому какъ это было на древнерусскихъ вѣчахъ.

Другая главная партія гуситовъ, *Табориты*, распадалась на разные отдѣлы, прибавлявшіе къ слову Божию больше или меньше толкованій изъ собственнаго ума. „Здѣсь въ полной и долготѣней свободѣ и своевольствѣ всплыли разомъ всякія нелѣпости; поэтому видимъ несогласія и споры не только церковные и религіозные, но и социальныя и политическія, все подъ авторитетомъ слова Божьяго и свободаго его толкованія. Всякія человѣческія желанія и страсти, при господствѣ установленныхъ порядковъ, обыкновенно болѣе или менѣе

укрощаемыя и скрываемыя, явились теперь на сцену и заявили свои притязанія.

Хилиастическое мечтаніе, то-есть, вѣра въ новое Божіе царство на Таборѣ скоро исчезло, но за то замѣнилось разными толками коммунистическими и социалистическими. Стали учить, что не будетъ ни господства, ни подданства, что всѣ люди будутъ равны, что прекратится всѣ подати, что не будетъ частнаго имущества, а всѣ будутъ владѣть всѣмъ сообща, какъ то дѣйствительно и было на Таборѣ, что права государственныя, земскія, городскія и сельскія будутъ уничтожены, какъ выдумки человѣческія. „Эти ученія брали въ Чехіи верхъ уже въ XV вѣкѣ изъ ложнаго толкованія Библии точно такъ, какъ во Франціи недавно изъ философскихъ системъ: по настоящій ихъ источникъ былъ, тамъ и здѣсь, внезапное и полное увольненіе и освобожденіе народа изъ-подъ авторитета, который съ теченіемъ времени сдѣлался слишкомъ тяжелымъ“. Не менѣе радикально отпосились Табориты и къ теологическимъ вопросамъ, считая библию единственнымъ источникомъ слова Божіяго; они отвергали всякую традицію, всѣ церковныя обряды, посты, праздники (кромѣ воскресенія) и пр., какъ изобрѣтенія антихриста, поклоненіе иконамъ — какъ идолопоклонство, латинскую литургію, которую замѣняли чешскими пѣснями, и проч.; важный у гуситовъ вопросъ объ эвхаристіи они рѣшили самымъ радикальнымъ образомъ; нашлись и такіе люди, которые отвергали Библию и вообще всякое христіанство, впадая къ пантеизму: это такъ-называемые *юлые* или *адамиты*. Но скоро крайнія ученія исчезли, или были истреблены силой, и на Таборѣ взяло верхъ, особенно стараніемъ знаменитаго епископа *Николая изъ Пельримова*, ученіе среднихъ Таборитовъ, которые, впрочемъ, мало отличались отъ крайнихъ. Какой духъ вѣялъ въ этихъ замѣчательныхъ Таборитахъ, видно особенно на ихъ сѣздѣ въ Пискѣ 1426 года.

Вопросъ о пресуществленіи, которое Табориты отрицали, далъ поводъ къ отложенію отъ нихъ мирныхъ элементовъ, которые вѣрили въ пресуществленіе, соблюдали посты, поклонялись святымъ и пр.; они-то по смерти своего вождя, Жижки, назывались *Сиротками*. „Кажется вообще, что между всѣми гуситскими сектами Сиротки вѣрнѣе держались ученія Гуса, между тѣмъ, какъ Пражане или чашники приближались все больше къ Риму; Табориты же шли дальше, чѣмъ указалъ не только Гусъ, но и Виклифъ. Отдѣломъ мирныхъ Таборитовъ были и братья *Оребскіе*, назвавшіеся такъ по горѣ Оребу, недалеко отъ Градца Королевой. Между Таборитами встрѣчаемъ, впро-

чемъ, „фактъ, въ то время очень рѣдкій: на Таборѣ, гдѣ съ самаго начала встрѣчалось столько разныхъ и противоположныхъ мнѣній, рано раздѣла и все больше приобрѣтала право гражданства религиозная терпимость, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, которые желали мирнаго сожительства съ сосѣдями.“

Соціализмъ въ Таборскихъ и Сиротскихъ общинахъ есть одно изъ самыхъ интересныхъ явленій въ чешской исторіи вообще, и гуситской въ особенности. Нѣтъ сомнѣній, что сначала, именно до распада Таборитовъ, у нихъ господствовалъ полный коммунизмъ начавшійся во время хиліазма. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, это доказываютъ особенно тѣ общія кассы или, какъ ихъ называли, „кады“, которыя были учреждены въ Таборѣ, Пискѣ и Воднянахъ. Какъ долго существовалъ на практикѣ этотъ коммунизмъ нельзя сказать; въ 1422 году о немъ нѣтъ уже и помину и на его мѣсто выступило устройство социалистическое. Раздѣленіе общинъ Таборскихъ и Сиротскихъ съ тѣхъ поръ „на общину домашнюю (мѣстную)“, и на „общину полевую (то-есть, военную)“ или „полеми работающую“ является ясно въ теченіе многихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ навѣрно до 1434 года, если не дольше. Полевая община должна была заниматься исключительно войной; мѣстныя же — ремеслами и хозяйствомъ и доставлять всякія потребности въ „поле“, то-есть на войну; кажется, что эти общины мѣнялись въ извѣстное время, переходя съ женами и дѣтьми отъ войны къ ремесламъ и наоборотъ. Гражданскій начальникъ общинъ назывался *справца* (правитель), позже *владарь*, военный же былъ *гейтманъ* (гетманъ), подлѣ котораго были *старшіе* войскъ.

Эти разныя религиозныя, политическія и социалистическія мнѣнія повели и къ спорамъ сословнымъ. Радикальные гуситы стремились къ уничтоженію разницы сословій, и если Табориты и Сиротки и признавали шляхетскіе титулы своихъ приверженцевъ, то ихъ сословныхъ правъ не признавали, и выбирали въ начальники самыхъ способныхъ людей, не смотря на родъ и имущество. И въ этой борьбѣ между аристократическимъ и демократическимъ началами, которая, разумеется, велась тоже подъ религиознымъ знаменемъ, являлись болѣе или менѣе радикальные элементы: такъ именно мы знаемъ „среднихъ братьевъ“ въ Моравіи, которые требовали, чтобъ платились только законныя подати законнымъ господамъ; а всѣ незаконныя повинности прекратились; эта партія была уничтожена силой. Такія стремленія, конечно, пугали шляхту и тѣснили ее все больше въ ла-

геръ римскій и короля Сигизмунда; она-то позже, въ союзѣ съ иноземцами, нанесла дальнѣйшему развитію гуситизма смертельный ударъ.

Вотъ вкратцѣ характеристика разныхъ гуситскихъ партій, какъ ее могъ начертать Палацкій послѣ долготѣннихъ изслѣдованій (съ 1824 года); она находится только во второмъ изданіи его исторіи гуситскаго движенія (1872 г.); въ первомъ изданіи (1850—1851 г.) ея еще недостаетъ.

Если разные гуситскія партіи между собой ссорились, спорили и даже воевали, то все-таки противъ иностранныхъ враговъ они выступали соединенными силами. Чехи нѣсколько разъ разбивали и прогоняли огромныя ополченія всей западной Европы и наконецъ, чтобъ заставить своихъ противниковъ примириться съ собой, они перешли отъ оборонительной системы къ наступательной, и стали опустошать сосѣднія страны. Этотъ поворотъ случился особенно подъ вліяніемъ главнаго послѣ Жижки вождя, *Прокопія великаго*. „Ставъ изъ пона военнымъ начальникомъ, какъ счастливый побѣдитель, онъ пріобрѣлъ себѣ славу непобѣдимости. Образованностью и любовью къ наукамъ и книгамъ онъ отличался передъ другими вождями Таборскими; религиознымъ и національнымъ энтузіазмомъ, энергіей воли и неустрашимостью равнялся Жижкѣ, но превосходилъ его политическимъ разумомъ и не былъ, подобно ему, фанатикомъ. Ибо хотя онъ пошелъ гораздо дальше въ церковныхъ пововеденіяхъ и отстаивалъ ихъ съ чрезвычайною энергіей, но онъ также охотно признавалъ у другихъ право свободы и примиренія съ врагами, гдѣ это соглашалось съ безопасностью его партіи. Ревностный защитникъ общинъ или демократіи своего вѣка, онъ все-таки охотно переговаривался съ шляхтой, чтобъ привлечь ее къ своему ученію и не желалъ построить свою власть на гибели противной партіи. По поводу такого миролюбія и уступчивости онъ часто навлекалъ на себя подозрѣніе, будто бы онъ относится къ своимъ приверженцамъ неискренно, — общая участь людей высшаго разума, если они стоятъ во главѣ крайнихъ партій. Такъ какъ въ немъ сосредоточилась сила крайнихъ началъ и партій, и относительно вѣроисповѣданія, и относительно социальныхъ вопросовъ, то не могло быть иначе, какъ что партіи римская, чашническая и шляхетская наконецъ соединились, чтобъ его погубить“.

Страшный разгромъ ополченія крестоносцевъ у Домажлицъ и начавшіяся, по примѣру гуситовъ, движенія народовъ въ Германіи и во Франціи, заставили наконецъ римскую іерархію искать примире-

нія съ Чехами, и интересно видѣть, какъ она на соборѣ Базельскомъ покорно относится къ гуситскимъ вождямъ, и еще сама посылаетъ своихъ депутатовъ въ Прагу. Примиреніе совершилось благодаря роковой катастрофѣ, которая постигла радикальныхъ гуситовъ. Шляхта католическая и чашническая, соединившись съ Пражанами, уничтожила главную силу Таборитовъ и Сиротокъ въ кровавомъ сраженіи Липанскомъ (1434 г.). „Подъ Липанами былъ пораженъ и ослабленъ демократическій элементъ такъ, что онъ пересталъ быть самостоятельной властью въ странѣ; солнце Табора, навсегда зашедшее, сдѣлалось блудящею звѣздой, кружащею подобно другимъ около Праги, единственнаго потомъ средоточія чешскаго народа. Чехія возвратилась въ политическомъ отношеніи опять къ тому же положенію, въ которомъ она была вообще до начала войны; аристократія заняла опять первыя мѣста въ земскомъ устройствѣ; та сила, которая прежде, особенно подъ вліяніемъ попа Проконія великаго, преобладала и рѣшала на сеймахъ, перемѣнилась теперь въ простую оппозицію меньшинства, довольно спокойную и безвредную. Власть королевская въ Чехіи была восстановлена и примиреніе главной партіи чешской, чашниковъ, съ римской церковью состоялось; послѣдняя торжественно заявила, что „Чехи и Мораване, причащающіеся подъ обоими видами, суть вѣрные христіане и первые сыновья церкви“. Но римская курія съ самаго начала относилась нескрепнн къ новымъ „компактатамъ“, и нѣсколько лѣтъ спустя формально уничтожила ихъ.

„Такимъ образомъ окончился рядъ событій, первую пружину которыхъ были пробудившіяся идеи реформаторскія и національныя. Высшее значеніе этихъ вопросовъ и свѣжесть силъ, которыми они вводились въ жизнь и защищались, обезпечиваютъ гуситской исторіи всемірную важность и интересъ, хотя чешскія стремленія къ освобожденію духа, будучи слишкомъ преждевременны и не нашедъ себѣ въ окрестныхъ странахъ достаточно восприимчивой почвы, не привились до такого размѣра и объема, чтобы преодолѣть всѣ бури. Чехія того времени внесла свою долю въ развитіе человѣчества вообще; если въ томъ была заслуга и слава, то нельзя отрицать, что она приобрѣтена тяжкими жертвами и бѣдствіями“.

Если аристократія значительно возвысилась уже послѣ Липанскаго сраженія, то ея власть приобрѣла себѣ рѣшительный перевѣсъ во время долготѣнаго *междуцарствія* (1439—1453 г.). Между партіями отличалась патріотическимъ духомъ особенно партія ревностныхъ чашниковъ; ихъ начальниками были благородные Гинекъ Пта-

чекъ изъ Пиркштейна, Алешъ (Алексѣй) Галицкій изъ Штернберга и, особено, молодой Юрій изъ Подѣбрадъ; духовною же главой— нововыбранный, но папой не утвержденный, гуситскій архіепископъ Пражскій, Ракицана. Партія Подѣбрадская, съ завоеваніемъ Праги, взяла наконецъ верхъ и Юрій Подѣбрадскій былъ признанъ правителемъ земскимъ; онъ занималъ и послѣ воцаренія короля Ладислава первое мѣсто въ его совѣтѣ.

„Духовное состояніе чешскаго народа около половины XV вѣка не можетъ быть названо отраднымъ и исполненнымъ надеждъ; недоставало той всесторонней тонкости, живости и эластичности, которыми отличались предыдущіе вѣка. Доказательствомъ могущественности вліянія Гуса и Жижки было то, что ихъ земляки впослѣдствіи не были въ состояніи, даже цѣлый вѣкъ спустя, опомниться и освободиться отъ него: ихъ дѣятельность и стремленіе обращались всегда почти исключительно къ дѣламъ религіознымъ и военнымъ. Чехъ того вѣка, если возвышался въ области духа и мысли, то не искалъ и не находилъ тамъ ничего, кромѣ безконечныхъ вопросовъ о церкви и ереси, о Божіемъ словѣ и антихристѣ, объ эвхаристіи и чашѣ, о правахъ и обязанностяхъ іерархіи и проч., и его занятія сосредоточивались, какъ на самомъ важномъ и полезномъ дѣлѣ, на упражненіи оружіемъ, устройствѣ воевъ и военнаго строя, наемномъ упражненіи въ военномъ ремеслѣ, не глядя, для кого и противъ кого. Но не только запущена была обработка обширной области наукъ естественныхъ и историческихъ вообще, не только изгнана эстетика и введено варварство, но ослабли также предпримчивость и прогрессъ въ промышленности, которая ограничилась потомъ только необходимыми обыденными потребностями. Конечно, въ томъ была виновата и нетерпимость противной партіи, которая сознательно и явно стремилась къ обѣдненію чешскаго духа, запрещая своимъ вѣрнымъ всякое общеніе съ Чехами и стремясь изолировать ихъ и исключить, такъ сказать, изъ міра. Кругозоръ ума человѣческаго расширяется только сношеніями съ чужими элементами. Чехамъ-утраквистамъ и послѣ примиренія посредствомъ компактатовъ не переставали затворять заграничныя школы, въ которыхъ умъ ихъ могъ бы хотя немного выбиться изъ мѣстной узкой сферы, и хотя чешскіе воины были нужны и ихъ искали во всѣ страны, но ихъ исключало изъ болѣе интимнаго общенія съ чужеземнымъ обществомъ не только грозное ихъ ремесло, но народность и вѣра; эта послѣдняя сдѣлалась препятствіемъ не только для дворянъ въ исканіи ры-

царскихъ приключеній, но мѣшала и купцамъ въ ихъ торговлѣ и промышленности. Несчастье Чеховъ зависѣло здѣсь опять отъ ограниченаго ихъ числа; еслибъ они были сорокамилліоннымъ народомъ, то ихъ изолированное положеніе не могло бы продолжаться“.

Въ чешской литературѣ того времени, воздѣлываемой на языкахъ латинскомъ и чешскомъ, нѣтъ ни одного болѣе замѣчательнаго историка, ни одного поэта, и всѣ писавшіе по этимъ предметамъ не выходятъ изъ ряду посредственности. За то число разныхъ богословскихъ статей значительно, не смотря на безконечные ауто-да-фе древнихъ чешскихъ книгъ и рукописей, зажигаемымъ иезуитами ad majorem Dei gloriam. Богослововъ разныхъ отбѣнковъ, защищавшихъ мнѣнія своихъ партій словомъ и перомъ, было очень много. Между ними особенно извѣстенъ гуситскій архіепископъ пражскій, Янъ изъ Рокицанъ,—человѣкъ, не обладавшій творческимъ талантомъ и не глубокой мыслитель, онъ принялъ систему ученія отъ своего учителя, магистра Якова изъ Серебра, но усвоилъ ее себѣ съ такимъ живымъ убѣжденіемъ, защищалъ ее съ такою ученостью и краснорѣчіемъ, что еще при жизни Якова считался главнымъ вождемъ усердныхъ чашниковъ. Въ жизни этой главной религіозной партіи замѣтно въ половинѣ XV вѣка интересное явленіе: чашники, отвергаемые Римомъ, обращаются на востокъ, въ Царьградъ. Хотя соединеніе чешской утраквистской церкви съ православною тогда и не состоялось, но чашники не переставали озирались на востокъ, и еще въ концѣ XV вѣка администраторъ утраквистской консисторіи, Коранда, вызываетъ Чеховъ бросить римскую церковь и примкнуть къ восточной греческой.

Остатки Таборитовъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ чашниками, удержались до половины XV вѣка (1452 г.) и, наконецъ, насильно принуждены были отказаться отъ своихъ особенностей и примкнуть къ утраквистамъ; первый и послѣдній ихъ епископъ, Николай изъ Пильгримова (Бискупецъ), погибъ въ тюрьмѣ. Еще наканунѣ паденія этой замѣчательной теократической республики, посѣтилъ ее заклятый врагъ гуситовъ, извѣстный Эней Сильвій (позже папа Пій II), и оставилъ намъ интересное ея описаніе; между прочимъ онъ замѣчаетъ, что на Таборѣ можно свободно вѣровать, какъ кому угодно, и что Табориты любятъ науки. Кромѣ Таборитовъ, существовало еще нѣсколько меньшихъ сектъ, подходившихъ къ нимъ, но съ своими особенностями. Между ними преимущественно замѣчательны приверженцы Петра Хелчицкаго. Этотъ знаменитый философъ и моралистъ обращалъ

главное вниманіе не на догматическую, теоретическую часть религии, а на сторону моральную, на христіанскую практику; между прочимъ онъ осуждалъ войны и всякое кровопролитіе, отличаясь тѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ сектъ того времени. Хелчицкій былъ духовный отецъ новой секты, извѣстнаго *единства чешскихъ братьевъ*, возникшаго во второй половинѣ XV вѣка, въ сѣверовосточной Чехіи.

Чешскія бури XV вѣка произвели не меньшія перемѣны въ военныхъ, чѣмъ въ церковныхъ дѣлахъ: онѣ составили переходное время между средневѣковымъ и нововѣковымъ восзаніемъ въ Европѣ вообще. Чехи считались лучшими воинами въ XV вѣкѣ; ихъ уважали, искали и подражали имъ. Чешскія общины, „работающія полемъ“, представляютъ зародки постоянныхъ войскъ. Эти-то „братья“, „роты“, то-есть, устроенныя военныя общества, признающія своимъ начальствомъ только гетмановъ, участвуютъ потомъ почти во всѣхъ войнахъ XV вѣка въ средней, восточной и юговосточной Европѣ. Числу чешскихъ богослововъ XV вѣка соотвѣтствуетъ число чешскихъ полководцевъ; къ чешскимъ воинамъ присоединились и многіе Поляки и Русскіе. Палацкій считаетъ даже русское казначейство подражаніемъ чешскимъ военнымъ ротамъ или братствамъ.

„Одною добродѣтелью превышали Чехи того времени всѣ народы: это была любовь къ родинѣ и къ народу или, какъ тогда выражались, къ языку своему. Непрязнь, съ которою они, какъ иновѣрцы и еретики, встрѣчаемы были у всѣхъ заграничныхъ народовъ, имѣла для нихъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что тѣснѣе связывала ихъ самихъ и придавала имъ энергію для самопожертвованія на общественную пользу. Благородныхъ и отличныхъ патриотовъ, какими были, напримеръ, паны Гинекъ Птачекъ изъ Пирештейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга и друг., было въ Чехіи гораздо больше, чѣмъ въ Германіи или въ Угріи. Юрій изъ Подѣбрадъ приобрѣлъ себѣ потому особенную любовь народа, что онъ преимущественно заботился объ общемъ благосостояніи своей родины. Поэтому патриотическое чувство было больше развито въ партіи утраквистической, чѣмъ католической, которая тогда прильнула къ чужеземцамъ, хотя и въ ней также Вилемъ младшій изъ Ризенберга оставилъ свѣтлый и славы примѣръ. Это чувство являлось чаще въ низшихъ и въ среднихъ слояхъ, чѣмъ у высшихъ классовъ. Только патриотическій энтузіазмъ сдѣлалъ возможными большую часть тѣхъ дѣйствій XV вѣка, которыя возбудили удивленіе міра. Не одинъ Нѣмецъ, сравнивая та-
часть CLXXVI, отд. 2.

кое сознание чешское съ почти всеобщимъ равнодушіемъ къ родинѣ у своего народа, не скрывалъ своего удивленія и сожалѣнія“.

Въ 1458 году, 2-го марта, сеймъ чешскій выбралъ въ короли любимца чешскаго народа, Юрія Подѣбрадскаго.

Царствованіе Юрія принадлежитъ къ одному изъ самыхъ важныхъ періодовъ чешской исторіи. „Чехи увидѣли опять исходящее съ трона не только могущество и желаніе общаго блага, но также примѣръ и образецъ неутомимой дѣятельности, высокой мудрости, всеобъемлющаго попеченія и непреклонной энергіи. По этой причинѣ въ лицѣ государя сосредоточились всѣ публичныя событія и нація оставалась на заднемъ планѣ даже тамъ, гдѣ она оказывала сопротивленіе. Но Чехія, какъ особое государство и отдѣльное цѣлое, не ограничилась своею мѣстной дѣятельностью, но выступила опять, въ послѣдній разъ, — на обширную мировую сцену и сдѣлалась европейскою державой; еще разъ стало видно, какое важное положеніе занималъ чешскій народъ посреди Европы, какія свѣжія зародыши государственной и чисто человѣческой жизни содержалъ онъ въ себѣ. Условливалось это, правда, ни громомъ оружія и славой завоеваній, ни разжиганіемъ новыхъ, міръ смущающихъ, идей, ни, наконецъ, тою прославленною мудростью и справедливостью, которая дѣлала чешскаго короля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредникомъ между государями средней Европы, и едва не возвела его на тронъ Римской имперіи; важность его вліянія не зависѣла отъ потоковъ множества пролитой крови, ни отъ объема спорныхъ матеріальныхъ успѣховъ, но вообще отъ преимущества духовныхъ интересовъ. Ибо опять долженъ былъ разрѣшиться, и не для одной только Чехіи, вопросъ — имѣли ли право на всемірное господство *идеи средняго или новаго вѣка*.

„Король Юрій сдѣлался, быть можетъ, безсознательно и невольно, представителемъ и защитникомъ новаго времени въ двойномъ отношеніи и направленіи: во первыхъ, какъ гуситъ, вовторыхъ, какъ государь и курфирстъ Римской имперіи. Первое направленіе обратилось къ жизни духовной и христіанской вообще, и, слѣдовательно, было гораздо обширнѣе и важнѣе другаго, которое относилось къ дѣламъ политическимъ и свѣтскимъ и ограничивалось почти только одной Германіей.

„Признакомъ среднихъ вѣковъ было черезъ-чуръ сильное владычество принципа *авторитета* въ духовной жизни вообще и въ христіанской въ особенности; новый вѣкъ знаменовался собственно эманципаціей ума отъ авторитета, или принципомъ свободнаго изслѣдо-

ванія (examen liberum). Послѣ громаднаго моральнаго упадка перваго принципа (расколъ и споры обоихъ его представителей, — императоръ и папъ), послѣ первой его горячей борьбы съ принципомъ свободнаго изслѣдованія, объявленной міру зажженными въ Констанцѣ кострами, наступила критическая пора, самый важный моментъ въ исторіи послѣдняго пятисотлѣтія.

„Римскіе папы были убѣждены, что апостольская курія должна погибнуть, если ея принципъ дѣлаеть какіи бы то ни было уступки противному принципу; всякій христіанинъ долженъ былъ отказаться отъ права на свободное изслѣдованіе и испрежънно и безусловно преклониться предъ ихъ ученіемъ. Послѣ пораженія примирительной партіи повсюду, особенно въ Германіи, Чехи-утраввисты и ихъ король были уже единственными видными представителями и защитниками права свободнаго изслѣдованія.

„Это положеніе, само по себѣ важное, сдѣлалось еще важнѣе по поводу тѣхъ отношеній, въ которыя вступилъ король, какъ курфирстъ Германіи и какъ государь вообще. Тѣсный союзъ папы съ императоромъ не понравился нѣмецкимъ государямъ, и они обратили свое вниманіе на короля, какъ на самаго могущественнаго и способнаго въ ихъ средѣ. Онъ долженъ былъ служить ей щитомъ противъ императора и папы, и попытаться поправить то, что было испорчено.

„Если, такимъ образомъ, къ лицу Юрія примыкали всѣ оппозиціонные элементы современнаго міра внутри и внѣ Чехіи, то легко понять, почему папы обращали на него такое вниманіе, почему они стремились, прежде всего, склонить его къ себѣ ласкою, и когда на это исчезла надежда, почему борьба съ нимъ казалась имъ еще болѣе нужною, чѣмъ защита христіанскаго міра противъ Турокъ.

„Возобновилась, вслѣдствіе того, религіозная борьба не менѣе упорная и убійственная, чѣмъ та, которою волновалась Чехія за полвѣка раньше; разница состояла въ слѣдующемъ: то, что въ первую пору гуситизма осуществлялось путемъ революціоннымъ и демократическимъ, теперь облеклось въ одежду консервативную и монархическую; нападеніе выходило уже съ той стороны, которая прежде довольствовалась больше обороною. Но эта борьба, хотя веденная съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ, осталась все-таки нерѣшенной, кончилась обоюднымъ изнеможеніемъ. Ни средневѣковая власть, хотя отлично организованная, не могла задушить и истребить въ христіанскомъ мірѣ зародыши новаго вѣка, ни новый вѣкъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы искоренить то, что ему сопротивлялось

въ духѣ минувшихъ вѣковъ, то-есть, моральную основу власти императорской и папской.

„Какъ вообще въ чешской исторіи трагическая стихія превосходитъ эпическую, такъ и въ жизни и въ царствованіи Подѣбрадскаго видно то же самое. Патриотическія его заботы и заслуги были такъ признаваемы всѣми, что королевскій вѣнецъ достался ему почти самъ собою, какъ бы въ вознагражденіе за вѣнецъ гражданскій. Онъ, и какъ государь, считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ своего вѣка. На его мудрость и способности смотрѣли вездѣ съ удивленіемъ и уваженіемъ. Но счастье его достигло скоро своего зенита, и реакція настала тѣмъ упорнѣе, чѣмъ знаменитѣе была его предыдущая дѣятельность. Тѣ, которые больше всего должны были быть обязаны ему благодарностью, сдѣлались его страшнѣйшими врагами. Его же поведеніе въ роковой борьбѣ отличалось болѣе достоинствомъ и отвагой, чѣмъ успѣхомъ“.

Юрій желалъ быть государемъ мирнымъ: „многіе другіе заботились о войнахъ и побѣдахъ, мы же—о соблюденіи права и справедливости; многіе старались размножить и расширить свое владычество, мы же заботились только о чести государства и о благосостояніи его жителей; другіе хотѣли, чтобъ люди боялись ихъ власти, мы же заботились о народѣ и служили ему не иначе, какъ рачительный о своемъ семействѣ отецъ“. Такъ понималъ новый король чешскій задачу государя. Король Юрій обратилъ на себя всеобщее вниманіе и пользовался общимъ уваженіемъ у своихъ сосѣдей, у императора и князей нѣмецкихъ, у королей угорскаго и польскаго; нѣкоторые нѣмецкіе князья, недовольные императоромъ, даже задумали возвести въ этотъ санъ перваго курфирста Римской имперіи, короля чешскаго, и поставить его во главѣ задуманнаго похода противъ Турокъ. Но дальнѣйшему развитію чешскаго государства по этому пути воспрепятствовала римская курія. Папа Пій II, (Эней Сильвій Пикколомини, часто посѣщавшій Чехію и написавшій чешскую исторію) уничтожилъ компактаты и потребовалъ отъ Чеховъ и ихъ короли воссоединенія съ римскою церковью,— вещи, разумѣется, невозможной для обоихъ. Напрасно чешскій король возымѣлъ блестящую мысль: ограничить папскую курію и освободить свѣтскую власть отъ ея вліянія созданіемъ какого-то международнаго парламента христіанскихъ государей: тогдашній міръ не созрѣлъ еще для такой великой идеи. Недовольные королемъ элементы въ чешскомъ государствѣ, аристократы и нѣмецкіе города, по внушеніямъ папской

курій, отказались отъ повиновенія проклятому въ Римѣ „еретическому“ государю и возстали противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Мало того, мятежники и папа¹ предложили чешскую королевскую корону польскому королю Казимиру; но тотъ, жалѣя о гибели „славянскаго“ народа, не принялъ ее и старался примирить короля Юрія съ его воставшими подданными. За то угорскій король, Матвѣй Корвинъ, жадно ухватился за корону чешскую и началъ долгодѣтную войну съ „еретическимъ“ чешскимъ королемъ. Юрій скончался въ тотъ моментъ, когда, испивъ страдальческую чашу до дна, долженъ былъ сдѣлаться виновникомъ новаго блага и новой славы своего отечества. *Судьба, кажется, предназначила ему бышь не побѣдителемъ, а скорѣе мученикомъ.* Какъ нѣкогда Іоаннъ Гусъ потерпѣлъ за присвоенное имъ себѣ право, которымъ пользуется въ наше время уже весь міръ, такъ и Юрій Подѣбрадскій, пострадавъ главнымъ образомъ за свое эманципированіе изъ подъ іерархической опеки, сдѣлался мученикомъ идеи новѣйшаго государства“.

Король Юрій обнаружилъ свою государственную мудрость и въ вопросѣ о своемъ наслѣдникѣ. Минувъ своихъ сыновей, онъ совѣтовалъ Чехамъ выбрать въ короли сына польскаго короля, Владислава. Это и случилось: такимъ образомъ занялъ чешскій тронъ родъ Ягайла (1471 г.) въ „повышеніе языка славянскаго“, какъ тогда думали Чехи и Поляки съ Литовцами. Но этимъ еще не прекратилась страшная война съ Матвѣемъ, тоже „королемъ чешскимъ“; кончилась она въ ущербъ чешскому государству; Моравія, Силезія и Лужицы отошли отъ него къ Угріи. Чешское государство восстановлено въ своей цѣлости и полнотѣ только по смерти Матвѣя Корвина, когда и Угры выбрали Владислава въ свои короли. Чешская корона присоединена была къ угорской, чешскіе короли и чешское государство втянуты въ дѣла и интересы угорскіе, и въ борьбѣ угорской короны противъ Турокъ, въ несчастномъ сраженіи Могачскомъ, погибъ молодой король Лудовикъ Владиславовичъ (1526 г.).

Чешская исторія во время царствованія Ягайловичей представляетъ все болѣе и болѣе грустную картину. Что касается внѣшнихъ отношеній, то чешское государство какъ будто исчезало, будучи частью государства угорскаго; внутри его видимъ разорванность, безвластіе и слабость. Чины (сословія) чешскаго королевства, панскій, владыцкій (рыцарскій) и городской, постоянно ссорятся и почти вся дѣятельность чешскаго народа того времени поглощается этими сословными спорами; слабые короли напрасно стараются посредничать и

примирять; шляхта и города примирились только въ 1517 году знаменитымъ договоромъ Святовячеславскимъ, который сохранилъ свою обязательную силу по крайней мѣрѣ номинально до самого 1848 г. Аристократія, возвысившись послѣ Липанскаго сраженія и во время панскаго союза противъ короля Юрія, стремилась къ полному устраненію всѣхъ остатковъ древнеславянской демократіи, къ упроченію феодальныхъ учреждений и при слабости королѣ достигла наконецъ того, что подданное сельское населеніе прикрѣплено было къ землѣ (1487), и господство шляхты выразилось въ земскомъ уложеніи 1500 года.

Правда, въ этихъ перемѣнахъ важную роль играетъ и слѣдующее обстоятельство: чешская и моравская аристократія того времени отличалась образованностью, просвѣщеніемъ, политическимъ развитіемъ, энергіей и отчасти патриотизмомъ; имена Циборга изъ Цимбурга, Видема изъ Пернштейна, Иоанна изъ Шельнберга, гуманистовъ Богуслава изъ Лобковицъ, Викторина изъ Вшегордъ и другихъ пановъ и шляхтичей, не мало украшаютъ страницы чешской исторіи того времени.

„Что касается духовной жизни чешскаго народа того времени, то нельзя не замѣтить, что преимущества и добродѣтели, которыя въ первой половинѣ XV вѣка сдѣлали Чеховъ предметомъ удивленія міра, чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе терялись, такъ какъ дѣятельный духъ прогресса, который бываетъ вмѣстѣ духомъ высшаго просвѣщенія, отклонился отъ этого народа и перешелъ къ его сосѣдямъ и врагамъ. Тотъ духъ прогресса и инициативы вообще, который въ началѣ вѣка производилъ столько неслыханныхъ дѣлъ, мало-по-малу ослабѣлъ въ духовномъ изолированіи утравкистовъ, подъ владычествомъ авторитета еще болѣе строгаго, чѣмъ это было въ другихъ мѣстахъ. Даже въ военномъ искусствѣ Чехи не сдѣлали ни шагу впередъ со временъ Жижки и Проконія; чашническій же ригоризмъ породилъ еще большія препятствія полету мысли и умственному кругозору, чѣмъ сама римская церковь. Прогрессъ, который оставался въ религіозной области, находилъ себѣ убѣжище въ благородномъ, но нѣсколько ограниченномъ *единствѣ чешскихъ братьевъ*.“ Воцареніемъ католическаго короля на чешскомъ тронѣ у папской куріи отнятъ былъ по крайней мѣрѣ поводъ къ продолженію ея враждебной политики противъ Чеховъ; но обѣщаніе Владислава—примирить чешскихъ утравкистовъ съ папой, разумѣется, не могло состояться; въ неминуемыхъ религіозныхъ расприяхъ между католиками и чашниками, король дер-

жался первыхъ, къ немалому неудовольствію ихъ противниковъ. Но подъ конецъ этихъ долговѣчныхъ споровъ расцвѣлъ отраднѣйшій плодъ просвѣщенія новѣйшаго времени — вѣротерпимость и христіанская любовь: на сеймѣ 1485 года Чехи католики и утравкисты, провозгласили полную *равноправность* обоимъ исповѣданіямъ, и этотъ законъ встрѣчается потомъ во всѣхъ земскихъ уложеніяхъ до 1627 года. Изъ этой терпимости, конечно, были исключены ненавистные католикамъ и утравкистамъ чешскіе братья „никгарты“ (то-есть отрицатели пресуществленія), это религиозное общество подвергалось безпрестаннымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

Чехи, пользуясь внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ, обратили свое вниманіе на мирныя занятія; усиливающаяся зажиточность народа свидѣтельствовала объ успѣхахъ земледѣлія, ремеслъ и торговли и повела къ новому развитію науки, литературы и художествъ.

Прекращеніемъ династіи Ягайловичей на чешскомъ тронѣ Палацкій кончаетъ свой разказъ и, какъ выше замѣчено, не намѣренъ его продолжать. Ему остается еще разработать чешскій текстъ періода 1283 — 1403 гг., который существуетъ пока только на нѣмецкомъ языкѣ. Палацкій обѣщаетъ затѣмъ изобразить внутреннюю исторію 1253—1526 гг., то-есть, перемѣны въ государственномъ устройствѣ и въ жизни чешскаго народа, духовной, юридической и соціальной; кромѣ того, онъ изложитъ свои мысли о славянской исторіи вообще и чешской въ особенности, о важности и значеніи чешской исторіи въ Европѣ, и пр. Ждемъ съ нетерпѣніемъ этого дополнительнаго тома, или лучше томовъ, и выражаемъ желаніе, навѣрное всѣхъ любителей славянской исторіи, чтобъ обѣщанная Палацкимъ картина культурной исторіи чешской вышла въ возможно большей полнотѣ; судя по тому, что уже сдѣлано имъ (партіи и секты гуситскія, ихъ вожди, военныя роты и проч.), можно ожидать чего нибудь весьма замѣчательнаго.

Палацкій излагаетъ чешскую исторію языкомъ простымъ, напоминающимъ древнихъ историковъ греческихъ и римскихъ; онъ пишетъ не по какому-нибудь шаблону, не увлекается какими-либо теоріями философскими и политическими, и напрасно было бы искать въ его трудѣ разныхъ высокопарныхъ фразъ, какими нерѣдко изобилуютъ книги новѣйшихъ историковъ. „Исторія чешскаго народа“ — это трудъ долго созидаемый; факты излагаются въ ней прагматически, только послѣ всесторонняго изученія и обдуманной, строжайшей критики источниковъ, и никогда не заводятъ автора въ царство произ-

вольныхъ фантазій и воздушныхъ замковъ; чего историкъ на основаніи подлежащихъ данныхъ доказать не можетъ, то онъ оставляетъ нерѣшимымъ вопросомъ. Только изрѣдка позволяетъ себѣ Палацкій нѣкоторыя историко-философскія и политическія размышленія, объясняющія въ общихъ чертахъ болѣе важныя историческія эпохи, Изъ нихъ, равно какъ и изъ цѣлаго изложенія фактовъ, видно, что Палацкій—рѣшительный приверженецъ прогресса, но прогресса не все-разрушительнаго, а вводящаго реформы въ разныя отрасли жизни мирнымъ способомъ. Онъ не предается той или другой теоріи, онъ не исключительный демократъ и не исключительный аристократъ, онъ не унижаетъ и не возвышаетъ ни Таборитовъ, ни чашниковъ; онъ смотритъ на всѣ сословія, на всѣ политическія, національныя и религіозныя партіи съ точки зрѣнія безпристрастнаго историка-ислѣдователя; онъ соображаетъ, оцѣниваетъ и осуждаетъ всѣ ихъ поступки, какъ заслуги такъ и ошибки. „Одностороннимъ, даже самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ нельзя безусловно вѣрить, ибо *audiat et altera pars*; поэтому необходима строгая критика, если хотимъ писать исторію, а не выводы какой-либо извѣстной партіи. Стремленіе къ всевозможной исторической истинѣ и вѣрности—вотъ принципъ, которымъ я руководился“,—такъ понимаетъ Палацкій задачу истиннаго историка. Недостатки своего труда онъ чувствуетъ самъ, очень часто жалуется на нихъ и, по возможности, ихъ исправляетъ.

Само собой разумѣется, что это историческое безпристрастіе не помѣшало Палацкому помнить, что онъ *Чехъ-Славянинъ*, что онъ пишетъ „исторію чешскаго народа въ Чехіи и Моравіи“, къ судьбамъ котораго онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ; если онъ, съ одной стороны, не колеблется никогда отмѣчать и порицать недостатки и ошибки своего народа, то, съ другой, не умалчиваетъ и о его блестящихъ качествахъ, останавливается на нихъ съ особенною любовью.

Нападки Нѣмцевъ на чешскаго историка особенно усилились въ недавнее время, именно съ 1862 года, когда въ Прагѣ образовалось особое „общество для исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи“; во главѣ его сталъ, выписанный изъ Баваріи, вышеупомянутый профессоръ Гѣфлеръ, который, со времени своего прибытія въ Прагу, тоже началъ заниматься чешскою исторіей. Но похождения пражскихъ Нѣмцевъ противъ Палацкаго кончились очень плачевно: своими книжками и полемикою они исключили себя изъ среды историковъ, а перешли въ ряды обыкновенныхъ памфлетистовъ. Чтобы дать понятіе объ ихъ науч-

ныхъ пріемахъ, приведемъ только слѣдующіе интересные факты: за то, что Гусъ добылъ своему чешскому народу принадлежавшее ему положеніе въ пражскомъ университетѣ, посыпался отъ нихъ рядъ ругательствъ на этого великаго человѣка, который подъ ихъ перомъ является полнѣйшимъ негодяемъ; за то, что чешскіе гуситы—еще за цѣлыхъ сто лѣтъ до „нѣмецкой“ реформаціи—осмѣли поднять знамя новыхъ идей и, между прочимъ, возстановили полное господство чешско-славянской народности у себя дома, пражскіе нѣмецкіе „историки“ не находятъ словъ для ихъ порицанія; борьбу гуситовъ за новыя идеи они называютъ „невъразимо пустымъ внутреннимъ споромъ“, ибо эта борьба „не стремилась къ свободѣ, прогрессу и праву, а доставила побѣду несправедливости и развращенію“ (sic!). Все это пишется не въ шутку, а совершенно серьезно. Не трудно было Палацкому, на голову разбить такихъ противниковъ и обнаружить ихъ настоящую цѣль—всевозможное поношеніе чешскаго народа и его исторіи. (*Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Hüfler, 1868; Zur böhmischen Geschichtschreibung, 1871*).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что поведеніе пражскихъ борцовъ „за нѣмецкую идею“ въ Чехіи, не находитъ одобренія въ Германіи, какъ это доказываютъ сочиненія Бѣрингера, Крумеля, Бецоляда и пр.

Значеніе главнаго историческаго труда Палацкаго у чешскаго народа—громадно. Не смотря на его чисто научную цѣну, онъ игралъ чрезвычайно важную роль и въ національномъ возрожденіи Чеховъ въ послѣднее сороколѣтіе; онъ распространенъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; его читали и читаютъ всѣ классы общества, образованные и необразованные, шляхта, мѣщане, духовенство, крестьяне,—всѣ находятъ въ немъ свою славу, черпаютъ изъ него указанія и совѣты. Едва ли у другаго народа можно найти подобное этому явленію, чтобы строго ученый трудъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, такую популярность, такой ненарушимый авторитетъ.

Таковы заслуги Палацкаго для чешской исторіографіи, заслуги—по истинѣ безмерныя. Стараніемъ его чешская исторіографія очутилась на такой же высотѣ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, у которыхъ отечественная исторія пользуется покровительствомъ и пособіемъ высшихъ правительственныхъ кружковъ; преподается вездѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и вообще составляетъ предметъ попеченія всѣхъ слоевъ общества. Палацкій создалъ изслѣдователей, число которыхъ все больше и больше увеличивается. Къ прежнимъ историкамъ: Воделу, Томку, Эрбену, Иречку, Рыбичкѣ, Гин-

дери, Дудику, Шемберъ—присоединяются новѣйшіе: Брандель, Эмлеръ, Тифтрукъ, Калоусекъ, Томанъ, Зоубекъ и другіе.

Отъ души желаемъ славному чешскому историку еще долгой жизни, чтобъ по прежнему неутомимо дѣйствовалъ онъ на пользу чешской историографіи и довершилъ скорѣе главный свой трудъ—исторію чешскаго народа.

Иосифъ Первольфъ.